

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 27 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 28 июня 2016 г.

О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 года № 8 “О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих”

В связи с изменением законодательства Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет внести в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 года № 8 “О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих” следующие изменения:

1) заголовок перед пунктом 1 изложить в следующей редакции:

“Подсудность военным судам административных и гражданских дел, дел об административных правонарушениях и материалов о грубых дисциплинарных проступках”;

2) в пункте 1:

а) в абзаце первом после слов “статьи 7 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 года № 1-ФКЗ “О военных судах Российской Федерации”,” дополнить словами “статьи 18 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ),”;

б) абзац второй изложить в следующей редакции:

“Лица, уволенные с военной службы, граждане, прошедшие военные сборы, граждане, пребывавшие в мобилизационном людском резерве, вправе оспаривать в военных судах действия (бездействие) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятые ими решения, нарушившие права, свободы и охраняемые зако-

ном интересы указанных лиц в период прохождения военной службы, военных сборов, пребывания в мобилизационном людском резерве (например, дела по административным исковым заявлениям лиц, уволенных с военной службы, о восстановлении на военной службе и т.п.).”;

3) в абзаце первом пункта 2 слова “При принятии заявлений” заменить словами “При принятии административных исковых заявлений”, слово “заявителей” заменить словами “административных истцов”, слова “заинтересованных лиц” заменить словами “административных ответчиков”;

4) в пункте 4 после слова “истцов” дополнить словами “(административных истцов)”, после слов “или ответчиков” дополнить словами “(административных ответчиков)”;

5) в пункте 5:

а) в абзаце первом после слова “подготовке” дополнить словами “административных и”;

б) абзац третий изложить в следующей редакции:

“Таким образом, нормы главы 22 раздела IV КАС РФ применяются, когда требования военнослужащих непосредственно вытекают из военно-служебных правоотношений, основанных на властных полномочиях одной стороны по отношению к другой.”;

б) абзац первый пункта 6 изложить в следующей редакции:

“Административное исковое заявление (далее — заявление) об оспаривании решений, действий (бездействия) органов военного управления и воинских должностных лиц исходя из положений части 1 статьи 4 и части 1 статьи 219

КАС РФ подается в военный суд в трехмесячный срок со дня, когда административному истцу стало известно о нарушении его прав, свобод и законных интересов.”;

7) абзац второй пункта 9 изложить в следующей редакции:

“Судам также следует иметь в виду, что контракт о прохождении военной службы не может быть заключен с гражданами, в отношении которых вынесен обвинительный приговор и назначено наказание или ведется дознание либо предварительное следствие, или уголовное дело в отношении их передано в суд, с гражданами, имеющими неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления, отбывавшими наказание в виде лишения свободы, а также с гражданами, подвергнутыми административному наказанию за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию. Контракт не может быть заключен с гражданами, лишенными на определенный срок вступившим в законную силу приговором суда права занимать воинские должности в течение указанного срока.”;

8) абзац третий пункта 21 изложить в следующей редакции:

“В тех случаях, когда военнослужащему не было предоставлено дополнительное время (дополнительные сутки) отдыха вместе с основным

отпуском за истекший год в следующем календарном году, срок, с которого исчисляется нарушение права военнослужащего на предоставление дополнительного времени (дополнительных суток) отдыха за предшествующий период, начинается исчисляться с 1 января года, следующего за годом, в который основной отпуск должен был быть перенесен.”;

9) в абзаце втором пункта 34 слова “главой 25 ГПК РФ” заменить словами “главой 22 КАС РФ”;

10) в абзаце четвертом пункта 36 слова “подразделом III раздела II ГПК РФ” заменить словами “главой 22 КАС РФ”;

11) абзац первый пункта 51 изложить в следующей редакции:

“Принимая во внимание право прокурора вступать в процесс в случаях, предусмотренных статьей 45 ГПК РФ и статьей 39 КАС РФ, в том числе о восстановлении военнослужащих на военной службе, военным судам следует извещать соответствующего прокурора о месте и времени рассмотрения соответствующих гражданских и административных дел.”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Неполучение руководителем организации предусмотренной ст. 279 ТК РФ компенсации при прекращении трудового договора по п. 2 ст. 278 ТК РФ само по себе не может служить достаточным основанием для восстановления на работе уволенного руководителя организации

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 19 октября 2015 г. № 52-КГ15-1*

(Извлечение)

Б. обратилась в суд с иском к Управлению образования администрации муниципального образования “Кош-Агачский район” (далее — Управление образования МО “Кош-Агачский район”) о признании незаконным и отмене приказа об увольнении, восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда и судебных расходов.

В обоснование предъявленных требований Б. указала, что 3 сентября 2009 г. она была принята на должность директора муниципального бюд-

жетного общеобразовательного учреждения “Джазаторская средняя общеобразовательная школа им. М.И. Берсимбаева” (далее — МБОУ “Джазаторская средняя общеобразовательная школа им. М.И. Берсимбаева”).

На основании приказа начальника Управления образования МО “Кош-Агачский район” от 26 августа 2014 г. Б. была уволена с должности директора по п. 2 ст. 278 ТК РФ в связи с принятием уполномоченным органом решения о прекращении трудового договора.

Считая свое увольнение по указанному основанию незаконным, в том числе в связи с нарушением процедуры увольнения, Б. просила суд отменить приказ об увольнении, восстановить ее в должности директора МБОУ “Джазаторская средняя общеобразовательная школа им. М.И. Берсимбаева”, взыскать в ее пользу с ответчика заработную плату за время вынужденного прогула, компенсацию морального вреда, возместить расходы по договору об оказании возмездных услуг, расходы по оплате государственной пошлины за выдачу доверенности представителю.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении исковых требований отказано в полном объеме.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено в части и по делу принято новое решение, которым признан незаконным и отменен приказ Управления образования МО “Кош-Агачский район” о прекращении (расторжении) трудового договора, Б. восстановлена в должности директора МБОУ “Джазаторская средняя общеобразовательная школа им. М.И. Берсимбаева”, в ее пользу с Управления образования МО “Кош-Агачский район” взыскана заработная плата за время вынужденного прогула, компенсация морального вреда, судебные расходы на оплату услуг представителя и расходы на оплату государственной пошлины за выдачу доверенности.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 19 октября 2015 г., рассмотрев дело в кассационном порядке, пришла к выводу о том, что в данном деле были допущены существенные нарушения норм материального права судом апелляционной инстанции.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции признал правомерным увольнение истца по п. 2 ст. 278 ТК РФ, так как не установил обстоятельств, свидетельствующих о том, что Б. подверглась дискриминации в сфере труда, была уволена за виновные действия, а также что имело место злоупотребление правом со стороны Управления образования МО “Кош-Агачский район”. При этом суд сделал вывод о том, что в данном случае невыплата при увольнении руководителя предусмотренной ст. 279 ТК РФ компенсации и других полагающихся при увольнении денежных сумм не может считаться основанием для признания увольнения незаконным, поскольку не лишает уволенного работника возможности для обращения в суд с иском об их взыскании. Суд исходил из того, что у ответчика не было намерения не выплачивать истцу при увольнении компенсацию, предусмотренную ст. 279 ТК РФ, учитывая поведение самой Б., которая, ознакомившись с приказом об увольнении, отказалась поставить подпись, удостоверяющую факт ознакомления, а также получить копию приказа и какие-либо суммы, причитающиеся ей при увольнении.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя исковые требования Б., суд апелляционной инстанции исходил из того, что поскольку увольнение истца не было вызвано совершением ею виновных действий или неисполнением ею своих обязанностей, а произошло в связи с принятием решения о ее увольнении работодателем в порядке п. 2 ст. 278 ТК РФ, то выплата предусмотренной ст. 279 ТК РФ компенсации в указанном случае является необходимым условием прекращения трудового договора с руководителем организации. Установленный в ходе апелляционного производства факт невыплаты истцу компенсации, предусмотренной ст. 279 ТК РФ, по мнению суда апелляционной инстанции, свидетельствует о нарушении ответчиком процедуры увольнения и влечет незаконность приказа начальника

Управления образования МО “Кош-Агачский район” о прекращении трудового договора с Б.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ посчитала данный вывод суда апелляционной инстанции основанным на неправильном толковании и применении к спорным отношениям положений п. 2 ст. 278 и ст. 279 ТК РФ.

Особенности регулирования труда руководителя организации, связанные с применением дополнительных оснований прекращения заключенного с ним трудового договора, установлены ст. 278 ТК РФ.

Так, согласно п. 2 ст. 278 ТК РФ помимо оснований, предусмотренных данным Кодексом и иными федеральными законами, трудовой договор с руководителем организации прекращается в связи с принятием уполномоченным органом юридического лица, либо собственником имущества организации, либо уполномоченным собственником лицом (органом) решения о прекращении трудового договора.

В силу ст. 279 ТК РФ в случае прекращения трудового договора с руководителем организации в соответствии с п. 2 ст. 278 этого Кодекса при отсутствии виновных действий (бездействий) руководителя ему выплачивается компенсация в размере, определяемом трудовым договором, но не ниже трехкратного среднего месячного заработка, за исключением случаев, предусмотренных данным Кодексом.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в п. 4.2 Постановления от 15 марта 2005 г. № 3-П “По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона “Об акционерных обществах” в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан”, предоставление собственнику права принять решение о досрочном расторжении трудового договора с руководителем организации — в силу ст. 1 (ч. 1), ст. 7 (ч. 1), ст. 8 (ч. 1), ст. 17 (ч. 3), ст. 19 (чч. 1 и 2), ст. 34 (ч. 1), ст. 35 (ч. 2), ст. 37 и ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации предполагает, в свою очередь, предоставление последнему адекватных правовых гарантий защиты от негативных последствий, которые могут наступить для него в результате потери работы, от возможного произвола и дискриминации.

К числу таких гарантий относится предусмотренная ст. 279 ТК РФ выплата компенсации за досрочное расторжение трудового договора с руководителем организации в размере, определяемом трудовым договором, но не ниже трехкратного среднего месячного заработка.

По смыслу положений данной статьи во взаимосвязи с положениями ст. 278 ТК РФ в этом случае выплата компенсации — необходимое условие досрочного расторжения трудового договора с руководителем организации.

Как указано в п. 4.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П,

законодательное закрепление права досрочно прекратить трудовой договор с руководителем организации без указания мотивов увольнения не означает, что собственник обладает неограниченной свободой усмотрения при принятии такого решения, вправе действовать произвольно, вопреки целям предоставления указанного правомочия, не принимая во внимание законные интересы организации, а руководитель организации лишается гарантий судебной защиты от возможного произвола и дискриминации. Общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом, как и запрещение дискриминации при осуществлении прав и свобод, включая запрет любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 3 ст. 17, ст. 19 Конституции Российской Федерации), в полной мере распространяются на сферу трудовых отношений, определяя пределы дискреционных полномочий собственника. Положения п. 2 ст. 278, ст. 279 ТК РФ и абз. 2 п. 4 ст. 69 Федерального закона “Об акционерных обществах” не препятствуют руководителю организации, если он считает, что решение собственника о досрочном прекращении трудового договора с ним фактически обусловлено такими обстоятельствами, которые свидетельствуют о дискриминации, злоупотреблении правом, оспорить увольнение в судебном порядке. При установлении судом на основе исследования всех обстоятельств конкретного дела соответствующих фактов его нарушенные права подлежат восстановлению.

Из приведенных выше нормативных положений, а также правовой позиции Конституционного Суда РФ следует, что неполучение руководителем организации предусмотренной ст. 279 ТК РФ компенсации при прекращении трудового договора по п. 2 ст. 278 ТК РФ само по себе не может служить достаточным основанием для восстановления на работе уволенного руководителя организации.

Решение о прекращении трудового договора с руководителем организации по данному основанию может быть признано незаконным при установлении судом нарушения работодателем принципов недопустимости злоупотребления правом и запрещения дискриминации в сфере труда (ст.ст. 2 и 3 ТК РФ).

Между тем таких нарушений при принятии работодателем решения об увольнении Б. с должности директора МБОУ “Джазатурская средняя общеобразовательная школа им. М.И. Берсимбаева” по п. 2 ст. 278 ТК РФ не было установлено ни судом первой инстанции, ни судом апелляционной инстанции.

Вывод же суда апелляционной инстанции о том, что невыплата Б. в день прекращения трудового договора положенной ей компенсации в размере трехмесячного заработка является нарушением процедуры увольнения и, соответственно,

влечет за собой признание незаконным приказа об увольнении и восстановление истца на работе, основан на неправильном толковании положений ст.ст. 278 и 279 ТК РФ, подлежащих применению к спорным отношениям сторон.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменив апелляционное определение, оставила в силе решение суда первой инстанции.

2. Судами при разрешении спора не учтено, что региональное законодательство не предусматривает возможность одновременного получения меры социальной поддержки в виде ежемесячной денежной выплаты одним и тем же лицом по нескольким основаниям (как ветеран труда и как участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС)

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 26 октября 2015 г. № 75-КГ15-7*

(Извлечение)

Прокурор, действующий в интересах В., обратился в суд с иском к учреждению социальной защиты населения о признании права на одновременное получение мер социальной поддержки. В обоснование исковых требований прокурор указал следующее. В ходе прокурорской проверки установлено, что 24 сентября 2014 г. В. присвоен статус “Ветеран труда”, он является также получателем ежемесячной денежной выплаты как участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. В связи с этим В. обратился в уполномоченный орган с заявлением о назначении ежемесячной денежной выплаты как ветерану труда. В назначении ежемесячной денежной выплаты, предусмотренной Федеральным законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ “О ветеранах”, В. было отказано в связи с тем, что он уже является получателем ежемесячной денежной выплаты на основании Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”. По мнению прокурора, В., в связи с наличием у него статуса ветерана труда с 24 сентября 2014 г., имеет право на меры социальной поддержки, предоставляемые в соответствии со ст.ст. 22 и 23¹ Федерального закона “О ветеранах”.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования прокурора в интересах В., суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, руководствуясь положениями Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I и п. 2 ст. 23¹ Федерального закона “О ветеранах”, пришел к выводу о том, что с учетом специфики правового статуса граждан, подвергшихся воздействию радиации, закон предполагает возможность предоставления указанным лицам в порядке исключения из общего правила ежемесячной денежной выплаты по двум основаниям, в связи с чем у В. имеется право на одновременное получение еже-

месячной денежной выплаты и как у ветерана труда, и как у лица, подвергшегося воздействию радиации.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 26 октября 2015 г. признала выводы судов первой и апелляционной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, указав следующее.

В соответствии с ч. 3 ст. 3 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 в случае, если гражданин имеет право на возмещение вреда и меры социальной поддержки по данному Закону и одновременно на такое же возмещение вреда и меры социальной поддержки по иному нормативному правовому акту, возмещение вреда и меры социальной поддержки независимо от основания, по которому они устанавливаются, предоставляются либо по этому Закону, либо по иному нормативному правовому акту по выбору гражданина, если законодательством Российской Федерации не предусмотрено иное.

Согласно ст. 22 Федерального закона “О ветеранах” (в редакции, действовавшей до 1 января 2005 г.) меры социальной поддержки ветеранов труда определялись данным Федеральным законом.

Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ “О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” (далее — Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ) в Федеральный закон “О ветеранах” внесены существенные изменения, касающиеся мер социальной поддержки ветеранов труда.

С учетом внесенных изменений с 1 января 2005 г. меры социальной поддержки ветеранов труда, а также граждан, приравненных к ним по состоянию на 31 декабря 2004 г., стали определяться законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации (ст. 22 Федерального закона “О ветеранах”).

Финансирование социальной поддержки ветеранов труда в соответствии с п. 1 и подп. 24 п. 2 ст. 26³ Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” осуществляется за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации.

В соответствии со ст. 13 Федерального закона “О ветеранах” (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, действующей с 1 января 2005 г.) социальная поддержка ветеранов предусматривает осуществление системы

мер, включающей в том числе получение ежемесячной денежной выплаты.

Пунктом 1 ст. 23¹ Федерального закона “О ветеранах” (введенной Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ) определен перечень категорий ветеранов, имеющих право на ежемесячную денежную выплату, установленную данным Федеральным законом, среди которых ветераны труда не названы. Данный перечень не подлежит расширительному толкованию.

Пунктом 2 ст. 23¹ Федерального закона “О ветеранах” предусмотрено, что если гражданин одновременно имеет право на ежемесячную денежную выплату по этому Федеральному закону и по другому федеральному закону или иному нормативному правовому акту независимо от основания, по которому она устанавливается (за исключением случаев установления ежемесячной денежной выплаты в соответствии с Законом РФ “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” (в ред. Закона РФ от 18 июня 1992 г. № 3061-1), Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 2-ФЗ “О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне”), ему предоставляется одна ежемесячная денежная выплата либо по данному Федеральному закону, либо по другому федеральному закону или иному нормативному правовому акту по выбору гражданина.

При разрешении спора судебные инстанции исходили из приведенных положений указанной нормы, полагая, что ветераны труда относятся к той категории лиц, меры социальной поддержки которым устанавливаются Федеральным законом “О ветеранах”, и, следовательно, исключение, предусмотренное в данной норме, предполагающее возможность одновременного получения ежемесячной денежной выплаты одним лицом по нескольким основаниям, может быть применено к В., имеющему статус участника ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и ветерана труда.

Между тем в соответствии со ст. 12 Федерального закона “О ветеранах” данный Федеральный закон распространяется на граждан Российской Федерации, относящихся к категориям ветеранов, указанным в ст.ст. 2—4 этого Федерального закона, т.е. на ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий, инвалидов Великой Отечественной войны и инвалидов боевых действий.

В то же время ст. 22 Федерального закона “О ветеранах” (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, действующей с 1 января 2005 г.) определено, что меры социальной поддержки ветеранов труда, а также граждан, приравненных к ним по состоянию на 31 декабря 2004 г., определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Таким образом, Федеральный закон “О ветеранах”, в частности предписание, содержащееся в п. 2 ст. 23¹ этого Закона, не регулирует отношения по предоставлению мер социальной поддержки ветеранам труда.

Согласно ст. 22 Федерального закона “О ветеранах” меры социальной поддержки ветеранов труда, а также граждан, приравненных к ним по состоянию на 31 декабря 2004 г., определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и в соответствии с п. 2 ст. 10 Федерального закона “О ветеранах” являются расходными обязательствами субъектов Российской Федерации.

В силу ст. 3 Закона Республики Карелия от 17 декабря 2004 г. № 827-ЗРК “О социальной поддержке отдельных категорий граждан и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Карелия” социальная поддержка ветеранов труда осуществляется, в частности, в форме предоставления ежемесячной денежной выплаты с 1 января 2008 г. в размере 600 руб., с 1 июля 2008 г. — в размере 700 руб.

В ст. 4 Закона Республики Карелия (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений) указано, что ветеранам труда, имеющим одновременно право на получение одной и той же меры социальной поддержки по нескольким предусмотренным законодательством основаниям, мера социальной поддержки предоставляется по одному из оснований.

При этом законодательство Республики Карелия в отличие от положений Федерального закона “О ветеранах” не содержит положений, предусматривающих возможность одновременного получения меры социальной поддержки в виде ежемесячной денежной выплаты одним и тем же лицом по нескольким основаниям.

С учетом приведенных нормативных положений вывод судов первой и апелляционной инстанций о том, что В. на основании п. 2 ст. 23¹ Федерального закона “О ветеранах” в порядке исключения из общего правила имеет право на одновременное получение ежемесячной денежной выплаты и как ветеран труда, и как лицо, подвергшееся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, является неправильным.

Установленные данной нормой Федерального закона “О ветеранах” положения не затрагивают полномочия субъектов Российской Федерации по самостоятельному определению мер социальной поддержки ветеранов труда и условий предоставления этих мер, в том числе в случаях, когда указанные граждане одновременно имеют и статус лиц, подвергшихся воздействию радиации.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала обжалуемые судебные постановления незаконными, принятыми с существенными нарушениями норм материального права, в связи с чем, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований прокурора в интересах В.

1. Проведение арендатором работ по реконструкции арендованного имущества, повысивших его рыночную стоимость, не приводит к возникновению права общей долевой собственности арендодателя и арендатора

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 сентября 2015 г. № 310-ЭС15-4730

(Извлечение)

Общество, являющееся арендатором оздоровительного комплекса, находящегося в государственной собственности, обратилось с иском в арбитражный суд к территориальному управлению Росимущества о признании права собственности на долю в праве общей собственности на объект недвижимости, ссылаясь на то, что значительные финансовые затраты арендатора, произведенные в результате проведения капитального ремонта и реконструкции оздоровительного комплекса, являются инвестициями в создание нового объекта.

Отказывая в удовлетворении заявленного требования, суд первой инстанции исходил из того, что обществом не доказано возникновение у него права собственности на спорный объект недвижимости.

Суд апелляционной инстанции решение суда отменил, иск удовлетворил, руководствуясь ст.ст. 6 и 8 Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ “Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений” и исходя из того, что отношения сторон носят инвестиционный характер, результат которых является предметом общей долевой собственности. Поскольку между сторонами отсутствовало соглашение о распределении долей в общем имуществе, суд на основании п. 5 ст. 244 ГК РФ с учетом размера вложенных средств на реконструкцию объекта установил долю общества в праве общей собственности.

Арбитражный суд округа согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 15 сентября 2015 г. отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила без изменения решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Спорный объект до выполнения обществом работ по его реконструкции и капитальному ремонту имел собственника в лице публичного образования — Российской Федерации.

Согласно п. 2 ст. 209 ГК РФ собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собствен-

венником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом.

В соответствии с п. 2 ст. 218 ГК РФ право собственности на имущество, которое имеет собственника, может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества.

Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа пришли к выводу о том, что общество приобрело право в общей долевой собственности на спорный объект, поскольку он был реконструирован в результате инвестиционных отношений, возникших между сторонами. При этом они приняли во внимание, что обществом были вложены значительные денежные средства в реконструкцию объекта, которые являются инвестициями в форме капитальных вложений.

Однако суды не учли, что между сторонами, как до выполнения работ, так и после их проведения, существовали арендные отношения, связанные с использованием переданного арендатору имущества на условиях временного владения и пользования за определенную договором плату, а также при наличии у арендатора обязанности возвратить объект аренды.

В силу положений ст. 606 ГК РФ арендатор приобретает право собственности только на полученные в результате использования арендованного имущества плоды, продукцию и доходы.

Оснований для прекращения арендных отношений, возникших на основании заключенного сторонами договора аренды, судами не установлено, и истец на это обстоятельство в судебном заседании не указывал.

Кроме того, суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа, оценивая обстоятельства, подтверждающие выполнение истцом работ по реконструкции арендуемого объекта, что послужило основанием для вывода о наличии инвестиционных отношений между сторонами, не учли предусмотренные договором аренды условия о возможности улучшения арендатором используемого имущества с последующим возмещением ему стоимости произведенных неотделимых улучшений собственником имущества.

Такие условия договора аренды не противоречат положениям ст. 616 ГК РФ о возложении бремени поддержания имущества в исправном состоянии на арендатора, выполнении им за свой счет текущего или капитального ремонта.

В силу исследованных судами фактических обстоятельств и указанных выше норм материального права, Судебная коллегия сочла, что сам факт проведения работ не может повлечь изменение существующих между сторонами отношений по временному владению и пользованию арендованным имуществом и возникновение в связи с этим инвестиционных отношений в отсутствие на то согласия собственника.

Более того, заявляя иск о признании права на долю в общей собственности на объект недвижимости, истец не доказал наличие оснований, в

силу которых спорное имущество выбыло из единоличной собственности публичного образования — Российской Федерации и стало объектом общей собственности.

Основания возникновения общей собственности предусмотрены п. 4 ст. 244 ГК РФ, который указывает на возникновение общей долевой собственности на делимое имущество в силу закона и (или) договора.

Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа при рассмотрении дела исходили из того, что между сторонами возникли инвестиционные отношения в соответствии с Федеральным законом “Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений”.

Однако п. 1 ст. 8 этого Закона предусматривает, что отношения между субъектами инвестиционной деятельности осуществляются на основе договора и (или) государственного контракта, заключаемых между ними в соответствии с Гражданским кодексом РФ.

Как следует из материалов дела и не отрицается истцом, инвестиционный контракт между сторонами по делу не заключался. Соглашения о распределении долей в праве собственности на этот объект между сторонами также не имеется.

В отсутствие инвестиционного контракта как основания возникновения инвестиционных отношений, воли сторон, в том числе собственника имущества, на возникновение общей собственности на реконструированный объект недвижимого имущества и соответственно прекращения права публичной собственности указанный вывод судов не соответствует закону.

В силу изложенного суд первой инстанции правомерно сделал вывод об отсутствии правовых оснований для возникновения права общей долевой собственности на спорный объект, отказав в заявленном по делу иске. Выводы суда первой инстанции соответствуют положениям ст.ст. 218, 244, 606 ГК РФ, в связи с чем оснований для отмены принятого им решения не имелось.

2. Субсидия, полученная налогоплательщиком из бюджета субъекта Российской Федерации, источником финансового обеспечения которой являлись, в том числе, целевые межбюджетные трансферты, предоставленные из федерального бюджета, не может рассматриваться как субсидия, предоставленная из федерального бюджета. Получение указанных бюджетных средств не влечет налоговые последствия, предусмотренные подп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 21 января 2016 г. № 310-КГ15-13228*

(Извлечение)

Департаментом экономического развития Брянской области на основании постановления Администрации Брянской области от 28 сентября 2011 г. № 866 “Об утверждении Положения о

порядке предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства Брянской области” (далее — постановление администрации области № 866) обществу предоставлена субсидия на возмещение затрат на уплату авансового платежа по договору лизинга.

По результатам выездной налоговой проверки налоговой инспекцией принято решение о привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения. Указанным решением обществу предложено уплатить налог на прибыль организации, налог на добавленную стоимость, а также суммы пеней и налоговых санкций, предусмотренных ст. 122 НК РФ. Налоговая инспекция пришла к выводу о нарушении обществом положений подп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ, поскольку общество при получении субсидии из бюджета на возмещение затрат, связанных с оплатой приобретенного по договору лизинга имущества, не восстановило налог, ранее принятый им к вычету.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налоговой инспекции недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении требований общества отказано.

Истолковав положения подп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ, ст. 78 БК РФ, Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации”, а также сославшись на постановление Правительства РФ от 27 февраля 2009 г. № 178 “О распределении и предоставлении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства”, суды трех инстанций пришли к выводу о наличии у общества обязанности по восстановлению налога на добавленную стоимость, ранее принятого к вычету, поскольку субсидия на возмещение затрат, связанных с приобретением автомобиля по договору лизинга, по мнению судов, выделена обществу из федерального бюджета.

При этом судами был отклонен довод заявителя о том, что названные средства были зачислены в бюджет субъекта Российской Федерации и поступили в адрес общества из областного бюджета, и указано, что независимо от механизма распределения денежных средств и источника финансирования проведенных мероприятий правовая природа происхождения средств в целях учета при исчислении налога на добавленную стоимость не изменяется.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 21 января 2016 г. отменила указанные судебные акты, удовлетворила заявление общества и признала недействительным решение налогового органа по следующим основаниям.

Из подп. 6 п. 3 ст. 170 и ст. 264 НК РФ следует, что в случае если субсидии выделены из иных

бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на возмещение указанных затрат, то в отношении таких субсидий норма, предусмотренная подп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ, не применяется.

Соглашением от 20 октября 2011 г. о предоставлении субсидии из федерального бюджета бюджету субъекта Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, заключенным между Минэкономразвития России и высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, данная субсидия предоставляется по заявке регионального субъекта при условии полного расходования им средств бюджета субъекта Российской Федерации.

В соответствии со ст. 78 БК РФ, Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ, постановлением Правительства РФ от 27 февраля 2009 г. № 178, приказом Минэкономразвития России от 20 мая 2011 г. № 227 “Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2011 году предоставляется субсидия для финансирования мероприятий, осуществляемых в рамках оказания поддержки малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации” и постановлением администрации области № 866 обществу предоставлена субсидия.

Таким образом, указанные денежные средства были выделены из федерального бюджета в рамках ведомственной целевой программы “Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Брянской области” (2010—2012 годы) и зачислены в бюджет субъекта Российской Федерации, который распределил их обществу как субъекту малого предпринимательства.

В силу п. 2 ст. 40 БК РФ денежные средства считаются поступившими в доходы соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации с момента их зачисления на единый счет этого бюджета.

Пунктами 1 и 4 ст. 41 БК РФ предусмотрено формирование бюджета субъекта Российской Федерации из различных источников — налоговых и неналоговых поступлений, безвозмездных поступлений. Полученные из федерального бюджета субсидии являются одним из видов доходов бюджета субъекта Российской Федерации.

Таким образом, поступившие из федерального бюджета денежные средства в виде субсидий становятся собственными доходами бюджета субъекта Российской Федерации, имеющими целевое назначение.

Следовательно, субсидия, полученная налогоплательщиком из бюджета Брянской области, источником финансового обеспечения которой являлись, в том числе, целевые межбюджетные трансферты, предоставленные из федерального бюджета, не может рассматриваться как субсидия, предоставленная из федерального бюджета, в связи с чем получение указанных бюджетных средств не влечет налоговые последствия, предусмотренные подп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ.

1. Подпункт 3 п. 68 Административного регламента Федерального агентства по недропользованию по исполнению государственных функций по осуществлению выдачи, оформления и регистрации лицензий на пользование недрами, внесения изменений и дополнений в лицензии на пользование участками недр, а также переоформления лицензий и принятия, в том числе по представлению Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и иных уполномоченных органов, решений о досрочном прекращении, приостановлении и ограничении права пользования участками недр, утвержденного приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 29 сентября 2009 г. № 315, в части требования приложения к заявке на переоформление лицензии документа, подтверждающего согласие владельца лицензии на переоформление лицензии на претендента в случае заключения концессионного соглашения, договора аренды и иных договоров в отношении централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельных объектов таких систем, предусмотренных Федеральным законом “О водоснабжении и водоотведении”, признан недействующим со дня вступления решения суда в законную силу

*Решение Верховного Суда РФ
от 23 октября 2015 г. № АКПИ15-742,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Приказом Минприроды России от 29 сентября 2009 г. № 315 утвержден Административный регламент Федерального агентства по недропользованию по исполнению государственных функций по осуществлению выдачи, оформления и регистрации лицензий на пользование недрами, внесения изменений и дополнений в лицензии на пользование участками недр, а также переоформления лицензий и принятия, в том числе по представлению Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и иных уполномоченных органов, решений о досрочном прекращении, приостановлении и ограничении права пользования участками недр (далее — Административный регламент).

Согласно подп. 2 п. 65 Административного регламента отказ в переоформлении лицензии на пользование участком недр следует в случае, если заявка на переоформление лицензии подана с нарушением требований, установленных данным Административным регламентом.

В подп. 3 п. 68 Административного регламента предусмотрено, что к заявке на переоформление лицензии должен прилагаться документ, подтверждающий согласие владельца лицензии на переоформление лицензии на претендента с указанием основания ее переоформления (если

на момент подачи заявления владелец лицензии сохраняет статус юридического лица).

Общество с ограниченной ответственностью “Овощевод” обратилось в Верховный Суд РФ с заявлением о признании недействующими подп. 2 п. 65 и подп. 3 п. 68 Административного регламента в части, предусматривающей в качестве основания для отказа в принятии и рассмотрении заявки по вопросу переоформления лицензии непредставление документа, подтверждающего согласие владельца лицензии на переоформление лицензии на претендента с указанием основания ее переоформления (если на момент подачи заявления владелец лицензии сохраняет статус юридического лица), — в случае переоформления лицензии на основании заключения концессионного соглашения, договора аренды и иных договоров в отношении централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельных объектов таких систем, предусмотренных Федеральным законом “О водоснабжении и водоотведении”.

Как указал административный истец, оспариваемые положения Административного регламента не соответствуют ч. 1 ст. 17 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 “О недрах”, ч. 2 ст. 29 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг” и нарушают права организации на осуществление деятельности, связанной с водоснабжением.

В суде представитель ООО “Овощевод” поддержала заявленные требования и пояснила, что данная организация не может получить согласия владельца лицензии на ее переоформление, а территориальный орган Роснедра отказывает в переоформлении лицензии, ссылаясь на оспариваемые положения Административного регламента, который не приведен в соответствие с положениями Закона РФ “О недрах”, Федерального закона “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг”.

Верховный Суд РФ 23 октября 2015 г. установил следующее.

Закон РФ “О недрах”, определяя правовые и экономические основы комплексного рационального использования и охраны недр, в ч. 5 ст. 17¹ закрепляет разрешительный режим пользования недрами и предусматривает, что порядок переоформления лицензий на пользование участками недр устанавливается федеральным органом управления государственным фондом недр, а порядок переоформления лицензий на пользование участками недр местного значения — законодательством субъекта Российской Федерации.

Согласно Положению о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации, утвержденному постановлением Правительства РФ от 29 мая 2008 г. № 404, Минприроды России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере изучения, использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов, включая недра (п. 1). Мин-

природы России самостоятельно принимает нормативные правовые акты в установленной сфере деятельности, за исключением вопросов, правовое регулирование которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства РФ осуществляется исключительно федеральными конституционными законами, федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации и Правительства РФ (п. 5.2.57).

Административный регламент определяет последовательность и сроки действий (административных процедур) по исполнению государственных функций по осуществлению выдачи, оформления и регистрации лицензий на пользование недрами, внесения изменений и дополнений в лицензии на пользование участками недр, а также переоформления лицензий и принятия, в том числе по представлению Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и иных уполномоченных органов, решений о досрочном прекращении, приостановлении и ограничении права пользования участками недр.

Согласно абз. 9 ч. 1 ст. 17¹ Закона РФ “О недрах” (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 417-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О водоснабжении и водоотведении”) заключение концессионного соглашения, договора аренды и иных договоров в отношении централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельных объектов таких систем, предусмотренных Федеральным законом “О водоснабжении и водоотведении”, является основанием перехода права пользования участками недр к другому субъекту предпринимательской деятельности.

Закрепляя последовательность действий Роснедр и его территориальных органов при исполнении государственной функции по осуществлению переоформления лицензий на пользование участками недр, Административный регламент в подп. 3 п. 68 предусматривает, что регистрация заявки на переоформление лицензии производится, если к ней приложен документ, подтверждающий согласие владельца лицензии на переоформление лицензии на претендента с указанием основания ее переоформления.

Административный регламент в п. 61 устанавливает случаи исполнения государственной функции по осуществлению переоформления лицензий на пользование участками недр и не учитывает изменения, которые были внесены Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 417-ФЗ в ч. 1 ст. 17¹ Закона РФ “О недрах” о переходе права пользования участками недр и переоформления лицензий на пользование участками недр, когда при переоформлении лицензии по основаниям, установленным абз. 9 ч. 1 ст. 17¹ названного Закона, согласия владельца лицензии на ее переоформление не требуется.

Как установлено в судебном заседании, уполномоченные органы отказывают в переоформлении лицензии на том основании, что к заявке на переоформление не приложен документ, предусмотренный подп. 3 п. 68 Административного регламента. Эти положения Административного регламента по своему содержанию вызывают неоднозначное толкование, допуская правовую неопределенность, что в соответствии с п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части” является основанием для признания оспариваемой нормы недействующей.

Что касается подп. 2 п. 65 Административного регламента, то установленное им основание для отказа в переоформлении лицензии на пользование участком недр носит отсылочный характер и нарушать чьих-либо прав и охраняемых законом интересов не может.

В силу п. 1 ч. 2 ст. 215 Кодекса административного судопроизводства РФ по результатам рассмотрения административного дела об оспаривании нормативного правового акта судом принимается решение об удовлетворении заявленных требований полностью или в части, если оспариваемый нормативный правовой акт полностью или в части признается не соответствующим иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, и не действующим полностью или в части со дня его принятия или с иной определенной судом даты.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 175, 176, 180, 215 КАС РФ, Верховный Суд РФ решил административное исковое заявление ООО “Овощевод” удовлетворить частично.

2. Пункты 11, 12 и 13 Требований к порядку разработки и утверждения схем теплоснабжения, утвержденных постановлением Правительства РФ от 22 февраля 2012 г. № 154, и п. 5 Правил организации теплоснабжения в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 8 августа 2012 г. № 808, признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 28 октября 2015 г. № АКПИ15-1019, вступившее в законную силу

3. Второе, третье и четвертое предложения п. 3.6.5 приложения к положению Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П “О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства” признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № АКПИ15-1109, вступившее в законную силу

4. Подпункт “а” п. 4, абз. 6 п. 7 и п. 9 Правил предоставления в 2015 году из федерального бюджета бюджетам Республики Хакасия и Забайкальского края иных межбюджетных трансфертов на финансовое обеспечение реализации мер социальной поддержки граждан, жилые помещения которых утрачены или повреждены в результате пожаров, произошедших в 2015 году на территориях Республики Хакасия и Забайкальского края, а также мероприятий по строительству и (или) восстановлению объектов коммунальной и социальной инфраструктуры, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30 апреля 2015 г. № 429, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 ноября 2015 г. № АКПИ15-1068, вступившее в законную силу

5. Подпункты “а” и “б” п. 3 Положения о лицензировании предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, утвержденного постановлением Правительства РФ от 28 октября 2014 г. № 1110, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 23 сентября 2015 г. № АКПИ15-957, вступившее в законную силу

6. Пункт 19.1 Положения об осуществлении контроля за внешнеэкономической деятельностью в отношении товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники, утвержденного постановлением Правительства РФ от 7 июня 2001 г. № 447, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 25 ноября 2015 г. № АКПИ15-1110, вступившее в законную силу

7. Пункт 4 постановления Правительства РФ от 12 августа 1994 г. № 938 “О государственной регистрации автотранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации”, пп. 3 и 51 Правил регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденных приказом МВД России от 24 ноября 2008 г. № 1001, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 ноября 2015 г. № АКПИ15-1106, вступившее в законную силу

Соучастие в форме пособничества в убийстве не образует квалифицирующего признака совершения преступления “группой лиц”

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 декабря 2015 г. № 127-АП/15-10

(Извлечение)

По приговору Верховного Суда Республики Крым от 5 октября 2015 г. Д. и В. осуждены по п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ и пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В. и Д. признаны виновными в разбое, совершенном с применением насилия, опасного для жизни и здоровья лица, по предварительному сговору группой лиц, с применением предметов, используемых в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего и в убийстве, совершенном группой лиц, сопряженном с разбоем.

В апелляционной жалобе осужденная Д. просила отменить приговор в части ее осуждения по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку не причастна к убийству потерпевшего.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г. приговор изменила по следующим основаниям.

Из содержания приговора следует, что, договорившись с В. о совершении разбойного нападения на П., Д. нанесла потерпевшему удар бутылкой по голове во время драки между ним и В. с целью подавления сопротивления, причинив телесные повреждения, не повлекшие вреда здоровью. Понимая, что П. может помешать завладеть имуществом, В. решил убить его и предложил Д. сделать из полотенца веревку. Изготовленной веревкой В. связал ноги и руки П. и, сделав петлю, задушил его.

Данные действия В. и Д. суд квалифицировал как убийство, совершенное группой лиц.

Между тем убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица непосредственно участвовали в лишении жизни потерпевшего, применяя к нему насилие. Такие обстоятельства по настоящему уголовному делу не выявлены. В судебном заседании установлено, что Д. применила насилие (ударила бутылкой по голове) в процессе разбойного нападения с целью подавления сопротивления потерпевшего, а не лишения его жизни. В последующем у В. возник умысел на убийство П.

Те обстоятельства, что Д. изготовила и передала В. веревку, с помощью которой был связан и задушен П., а также присутствовала при совершении В. действий по удушению потерпевшего, свидетельствуют лишь о ее пособничестве в убийстве. Квалифицирующий признак убийства “группой лиц” в действиях Д. и В. отсутствует.

С учетом изложенного Судебная коллегия переквалифицировала действия Д. с пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 5 ст. 33, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ и исключила из приговора указание об осуждении В. по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, наказание снизила.

1. Невыяснение судом юридически значимых обстоятельств о праве проживающих с заявителем родственников на жилое помещение за счет средств Минобороны России в избранном им месте жительства после увольнения с военной службы повлекло отмену судебных постановлений

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 27 августа 2015 г. № 210-КГ15-5*

(Извлечение)

Решением Заозерского гарнизонного военного суда от 20 ноября 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северного флотского военного суда от 16 января 2015 г., удовлетворено заявление С., в котором он просил признать незаконным решение начальника отдела жилищного органа от 10 сентября 2014 г. об отказе в предоставлении ему жилого помещения по договору социального найма на семью из 4 человек.

В кассационной жалобе заинтересованное лицо, указывая на то, что заявитель нанимателем жилого помещения, в котором он проживает по месту прохождения военной службы, не является, а проживающие в этом помещении лица находящимися на его иждивении не признавались, просило судебные постановления отменить, принять по делу новое решение — об отказе в удовлетворении заявления.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 27 августа 2015 г. судебное решение отменила в связи с существенными нарушениями при рассмотрении дела норм материального права, выразившимися в следующем.

Согласно материалам дела в сентябре 2004 г. матери заявителя администрацией ЗАТО г. Заозерска Мурманской области была предоставлена квартира по договору социального найма, в которую были вселены в качестве членов ее семьи С. и его брат, а с мая 2005 г. — бабушка заявителя. На всех проживающих в этой квартире лиц приходится общей площади жилого помещения более учетной нормы.

Ввиду предстоящего увольнения в связи с организационно-штатными мероприятиями С. обратился в жилищный орган с заявлением о предоставлении ему квартиры по избранному месту жительства в г. Санкт-Петербурге на себя, мать, брата и бабушку, однако решением от 10 сентября 2014 г. получил отказ, который оспорил в судебном порядке.

Удовлетворяя заявление, суд первой инстанции исходил из того, что мать, брат и бабушка заявителя являются членами его семьи как нанимателя жилого помещения и приняты на учет нуждающихся в жилом помещении на основании судебного решения.

Между тем такие выводы основаны на неправильном толковании норм материального права

и без учета других подлежащих применению положений закона.

В силу ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” военнослужащие при увольнении и совместно проживающие с ними члены их семей имеют право на обеспечение жилым помещением.

Согласно абз. 5 п. 5 ст. 2 Закона к членам семей военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, на которых распространяются социальные гарантии, установленные данным Законом, если иное не установлено иными федеральными законами, относятся: супруга (супруг), несовершеннолетние дети, дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных учреждениях по очной форме обучения, лица, находящиеся на иждивении военнослужащих.

При решении вопроса о том, кого следует относить к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение жильем, согласно разъяснениям, содержащимся в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 8 “О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих”, судам следует руководствоваться нормами Жилищного кодекса РФ и Семейного кодекса РФ.

В силу ч. 1 ст. 69 ЖК РФ к членам семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма относятся проживающие совместно с ним его супруг, а также дети и родители нанимателя. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы признаются членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, если они вселены нанимателем в качестве членов его семьи и ведут с ним общее хозяйство. В исключительных случаях иные лица могут быть признаны членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма в судебном порядке.

В кассационной жалобе начальник отдела жилищного органа указал на то, что С. не является нанимателем жилого помещения по договору социального найма, в связи с чем проживающие вместе с ним в квартире, нанимателем которой является мать заявителя, его брат и бабушка им в качестве членов семьи не вселялись, а поэтому не могут быть признаны в качестве членов его семьи, имеющих право на обеспечение жильем за счет Министерства обороны РФ.

Данное обстоятельство имеет значение для установления факта нуждаемости указанных лиц в жилом помещении.

Существенное значение имеет также выяснение обстоятельств, связанных с ведением заявителем общего хозяйства с проживающими в квартире родственниками, и факт нахождения на его иждивении нетрудоспособных лиц.

С учетом того, что мать заявителя является нанимателем квартиры, принадлежащей на праве собственности муниципальному образованию, для разрешения настоящего заявления имеет значение и выяснение возможности и по-

рядка сдачи этого жилого помещения Минобороны России, поскольку в соответствии с п. 14 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” обеспечение жилым помещением определенных категорий военнослужащих, к которым относится заявитель, и членов их семей при перемене места жительства производится с последующим освобождением ими жилых помещений и снятием с регистрационного учета по прежнему месту жительства, а согласно п. 5 ст. 15 названного Закона в случае освобождения жилых помещений, занимаемых военнослужащими и совместно проживающими с ними членами их семей, за исключением жилых помещений, находящихся в их собственности, указанные помещения предоставляются другим военнослужащим и членам их семей.

Между тем в материалах дела отсутствуют данные о том, что мать заявителя как наниматель жилого помещения и администрация ЗАТО г. Заозерска Мурманской области как собственник этого помещения обязались передать освобожденную квартиру Минобороны России в случае предоставления ей другого жилого помещения в качестве члена семьи заявителя. Не выяснялись судом и обязательства других лиц, проживающих в данном жилом помещении, и их согласие о его сдаче.

Нарушение судом норм материального права и неправильное определение судом обстоятельств, имеющих значение для дела, привели к тому, что остались невыясненными юридически значимые обстоятельства о праве проживающих с заявителем матери, брата и бабушки на жилое помещение за счет Минобороны России в избранном им месте жительства после увольнения с военной службы.

На основании изложенного Судебная коллегия судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций по заявлению С. отменила, а дело направила на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

2. Факт совершения заявителем административного правонарушения свидетельствует о нарушении заявителем общих обязанностей военнослужащего, т.е. о невыполнении им условий контракта, что само по себе могло явиться основанием для его досрочного увольнения с военной службы

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 202-КГ15-5

(Извлечение)

Решением Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 30 мая 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 16 сентября 2014 г., удовлетворено заявление представителя заявителя К., в котором он просил признать незаконным приказ командующего Северным флотом от 22 апреля 2014 г. о досрочном увольнении К. в запас в связи с невыполнением

военнослужащим условий контракта о прохождении военной службы.

В кассационной жалобе представитель командующего Северным флотом просил об отмене судебных постановлений и принятии по делу нового решения — об отказе в удовлетворении заявления, указав в обоснование жалобы, что сам по себе факт управления заявителем автомобилем в состоянии опьянения свидетельствует о невыполнении им условий контракта и является основанием для его досрочного увольнения с военной службы.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 30 июня 2015 г. пришла к выводу о том, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, выразившиеся в следующем.

Как видно из материалов дела, К. в период прохождения военной службы по контракту, 14 сентября 2013 г., совершил административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ (управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения), что было установлено вступившим в законную силу постановлением Вологодского гарнизонного военного суда от 11 октября 2013 г.

После этого К. 14 марта 2014 г. был представлен на аттестационную комиссию, по результатам заседания которой факт привлечения его к административной ответственности за управление автомобилем в состоянии опьянения был расценен членами комиссии как невыполнение заявителем условий контракта, в связи с чем комиссия, несмотря на положительные характеристики по военной службе и отсутствие дисциплинарных взысканий, пришла к выводу о целесообразности его досрочного увольнения с военной службы.

Приказом командующего Северным флотом от 22 апреля 2014 г. К. уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Признавая названный приказ незаконным, суд первой инстанции указал в решении, что основанием увольнения заявителя послужило не нарушение им условий контракта, а нарушение воинской дисциплины, выразившееся в совершении в свободное от службы время административного правонарушения в области дорожного движения, за что он был привлечен к административной ответственности, что исключало привлечение его к дисциплинарной ответственности. Поэтому в отсутствие к К. каких-либо иных претензий по службе правовых оснований для представления его к увольнению в связи с невыполнением условий контракта не имелось.

Соглашаясь с окончательным выводом гарнизонного военного суда об отсутствии оснований для увольнения заявителя, суд апелляционной инстанции указал в определении, что аттестационная комиссия не проверила его соответствие требованиям, предъявляемым к военнослужащим, с точки зрения деловых и личных качеств, не дала оценку его готовности к исполнению воинского долга, его отношению к исполнению

служебных обязанностей, что свидетельствует о том, что процедура аттестации в целом была существенно нарушена.

Однако такие выводы судов основаны на неправильном толковании норм материального права.

Согласно ст. 26 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» к числу общих обязанностей военнослужащего относится строгое соблюдение Конституции Российской Федерации и законов Российской Федерации, требований общевоинских уставов, воинской дисциплины, а появление в общественных местах в состоянии опьянения в соответствии со ст. 72 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, является дисциплинарным проступком, позорящим честь и достоинство военнослужащего.

В соответствии с п. 3 ст. 32 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Таким образом, факт совершения К. административного правонарушения, выразившегося в управлении транспортным средством в состоянии опьянения, как правильно установил суд апелляционной инстанции, свидетельствует о нарушении заявителем общих обязанностей военнослужащего, в том числе обязанности строго соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, соответствовать высоким нравственным требованиям, дорожить воинской честью, т.е. о невыполнении им условий контракта, что само по себе могло явиться основанием для досрочного увольнения с военной службы.

Вместе с тем, правильно установив это обстоятельство, окружной военный суд пришел к ошибочному выводу о существенном нарушении процедуры аттестации К.

В суде установлено, что решение по вопросу невыполнения заявителем условий контракта было принято в рамках процедуры аттестации, как это установлено п. 1 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

Аттестация К. проведена комиссией в надлежащем составе с участием заявителя, а в ходе ее заседания оценивался не только факт привлечения его к административной ответственности, но и другие данные, характеризующие его служеб-

ную деятельность и личность, что следует из исследованных в судебном заседании протокола заседания аттестационной комиссии, аттестационного листа, заключения по материалам административного расследования и возражений представителя командующего флотом.

Содержание исследованных в судебном заседании названных фактических данных также указывает на то, что К. командованием была предоставлена возможность заблаговременно ознакомиться с оценкой своей служебной деятельности, заявить о своем несогласии с такой оценкой, сообщить дополнительные сведения, лично участвовать в заседании аттестационной комиссии, обжаловать ее заключение и порядок проведения аттестации как вышестоящему командиру, так и в суд.

Исходя из приведенных данных вывод суда апелляционной инстанции о том, что аттестационная комиссия не проверила соответствие заявителя требованиям, предъявляемым к военнослужащим, не основан на материалах дела.

Выполнение аттестационной комиссией названных условий позволило обеспечить объективность заключения и прийти к обоснованному выводу о том, что характер совершенного К. проступка, несмотря на положительные характеристики и отсутствие дисциплинарных взысканий, свидетельствует о том, что он перестал удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Срок, в течение которого заявитель считается подвергнутым административному наказанию, на момент издания приказа о его увольнении не истек.

При таких данных у судов не имелось оснований для вывода об отсутствии у аттестационной комиссии оснований для заключения о невыполнении К. условий контракта о прохождении военной службы, а у командующего Северным флотом — для досрочного увольнения заявителя с военной службы.

Таким образом, приказ командующего Северным флотом от 22 апреля 2014 г. в части досрочного увольнения заявителя с военной службы в связи с невыполнением условий контракта является законным.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов, что явилось основанием для отмены в кассационном порядке судебных постановлений по заявлению К. и принятия Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда РФ нового решения — об отказе в удовлетворении заявления.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. Суд апелляционной инстанции необоснованно исключил из приговора указание на наличие в действиях осужденного рецидива преступлений, так как ошибочно признал совершенным по неосторожности преступление, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ

*Постановление президиума
Верховного Суда Республики Марий Эл
от 18 марта 2016 г.*

(Извлечение)

По приговору мирового судьи судебного участка № 31 Моркинского судебного района Республики Марий Эл от 13 октября 2015 г. В. (ранее судимый по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ, освобожден условно-досрочно 15 мая 2009 г.) осужден по ст. 264¹ УК РФ с учетом положений ч. 2 ст. 68 УК РФ к десяти месяцам лишения свободы.

В. признан виновным в том, что, будучи ранее подвергнутым административному наказанию (за управление транспортным средством в состоянии опьянения и при отсутствии права на управление транспортным средством), в нарушение требований пп. 1.3, 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации управлял автомобилем в состоянии опьянения*, не имея права на управление транспортным средством.

Постановлением Моркинского районного суда Республики Марий Эл от 29 декабря 2015 г. приговор изменен: исключено указание на наличие в действиях В. рецидива преступлений, поскольку, по мнению суда, преступление, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ, является преступлением, совершенным по неосторожности, а также указание на применение ч. 2 ст. 68 УК РФ при назначении наказания, наказание снижено.

В кассационном представлении прокурор просил отменить решение суда апелляционной инстанции, указывая на неправильное отнесение совершенного В. преступления к преступлениям, совершенным по неосторожности, и, как следствие, на необоснованное исключение из приговора отягчающего наказание обстоятельства — рецидива преступлений.

Президиум Верховного Суда Республики Марий Эл 18 марта 2016 г. отменил апелляционное определение в отношении В. и передал уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

*Согласно приговору состояние алкогольного опьянения В. было установлено на основании показаний технического средства измерения в выдыхаемом им воздухе и содержание алкоголя составило 0,773 мг абсолютного этилового спирта на один литр выдыхаемого воздуха.

Как следует из материалов дела, по постановлению мирового судьи судебного участка № 32 Моркинского судебного района Республики Марий Эл от 6 апреля 2015 г. В. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ, — управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения и не имеющим права на управление транспортным средством. За совершение данного административного правонарушения В. назначено двенадцать суток административного ареста.

При рассмотрении уголовного дела суд первой инстанции в действиях В. признал наличие отягчающего наказание обстоятельства — рецидива преступлений, указав, что В. совершенно умышленное преступление небольшой тяжести при наличии судимости за умышленное особо тяжкое преступление, и назначил ему наказание с применением положений ч. 2 ст. 68 УК РФ.

Изменяя приговор в отношении В., суд апелляционной инстанции мотивировал свое решение тем, что преступление, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ, совершается в форме неосторожности, что исключает наличие в действиях В. рецидива преступлений.

Такие выводы суда апелляционной инстанции являются ошибочными.

Данное преступление имеет формальный состав, который не предполагает наступление общественно опасных последствий в виде причиненного вреда здоровью либо смерти окружающих лиц, в связи с чем преступление признается оконченным с момента совершения деяния, указанного в законе (с момента начала движения транспортного средства), и может быть совершено только с прямым умыслом, поскольку лицо осознает, что, будучи ранее подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, либо имея судимость за совершение преступления, предусмотренного чч. 2, 4 либо 6 ст. 264 или ст. 264¹ УК РФ, вновь в состоянии опьянения управляет транспортным средством**.

**В апелляционном постановлении от 8 апреля 2016 г. Моркинский районный суд Республики Марий Эл в том числе указал, что мировой судья правильно признал обстоятельством, отягчающим наказание, рецидив преступлений и применил положения ч. 2 ст. 68 УК РФ, поскольку непогашенная и неснятая судимость В. за совершение особо тяжкого преступления и совершение им вновь умышленного преступления, предусмотренного ст. 264¹ УК РФ, в соответствии с ч. 1 ст. 18 УК РФ образует в его действиях рецидив преступлений.

2. Наличие ходатайств обвиняемого о вызове в судебное заседание свидетелей стороны защиты и о проведении очных ставок, а также его несогласие с существом обвинения являются обстоятельствами, препятствующими рассмотрению уголовного дела в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ

*Постановление президиума суда
Еврейской автономной области
от 15 октября 2015 г.*

(Извлечение)

По приговору Биробиджанского районного суда Еврейской автономной области от 29 января 2015 г., постановленному в особом порядке судебного разбирательства, П. осужден за совершение шести преступлений, предусмотренных пп. “а”, “б”, “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ, к одному году шести месяцам лишения свободы за каждое преступление. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено окончательное наказание в виде трех лет лишения свободы.

Судом апелляционной инстанции приговор оставлен без изменения.

П. признан виновным в совершении шести краж чужого имущества группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в помещение, с причинением значительного ущерба потерпевшим.

В кассационной жалобе П. оспаривал законность и обоснованность приговора в связи с существенными нарушениями судом уголовно-процессуального закона.

Президиум суда Еврейской автономной области 15 октября 2015 г. кассационную жалобу удовлетворил по следующим основаниям.

Согласно ст. 228 УПК РФ по поступившему уголовному делу судья должен выяснить в отношении обвиняемого в числе других вопросов следующее: вручены ли копии обвинительного заключения; подлежат ли удовлетворению заявленные ходатайства; имеются ли основания для проведения предварительного слушания.

В нарушение указанных требований суд первой инстанции по поступившему уголовному

делу в отношении П. не выяснил все вопросы, не рассмотрел заявленные ходатайства, а только разрешил вопрос о возможности применения особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 УПК РФ, и назначил судебное заседание в особом порядке, при этом в постановлении указал о вызове в судебное заседание лиц со стороны защиты согласно списку, приложенному к обвинительному заключению.

Между тем, как усматривается из материалов дела, при выполнении требований ст. 217 УПК РФ П. наряду с ходатайством о применении особого порядка судебного разбирательства также заявил ходатайство о проведении очных ставок с М., Щ. и Н., “поскольку факт кражи не соответствует действительности”. Кроме того, П. заявил ходатайство о вызове в судебное заседание свидетелей стороны защиты и отказался от получения копии обвинительного заключения. Из его расписки также следует, что он оспаривает фактические обстоятельства дела.

Таким образом, при наличии ходатайства П. о проведении очных ставок, фактически свидетельствующего о несогласии с предъявленным обвинением, и ходатайства о вызове свидетелей стороны защиты, что являлось обстоятельствами, препятствовавшими рассмотрению дела в особом порядке судебного разбирательства, суд первой инстанции рассмотрел уголовное дело без проведения судебного разбирательства.

Установив в судебном заседании, что П. отказался получить обвинительное заключение, суд не выяснил причину отказа и не предложил вручить ему обвинительное заключение при назначении судебного заседания.

В апелляционной жалобе П. также выражал несогласие с существом обвинения и ссылался на то, что суд первой инстанции должен был рассмотреть данное дело в общем порядке.

В связи с указанными выше и иными допущенными судами существенными нарушениями уголовно-процессуального закона президиум суда Еврейской автономной области отменил приговор и апелляционное постановление в отношении П. и уголовное дело передал на новое судебное рассмотрение.

**ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 4 (2015)**

**ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

По экономическим спорам

Изменения в выданное разрешение на строительство не могут быть внесены в отсутствие выявленной в процессе строительства объективной необходимости отклонения параметров объекта капитального строительства от проектной документации и соблюдения порядка изменения проектной документации.

Общество обратилось с заявлением в уполномоченный орган о внесении изменений в ранее

выданные разрешения на строительство в связи с корректировкой проектной документации в части увеличения этажности и перерасчета нагрузок жилых домов.

Уполномоченный орган отказал обществу в переоформлении разрешений на строительство, указав, что для получения разрешения на строительство необходимо оформить документы согласно ч. 7 ст. 51 Градостроительного кодекса РФ (далее — ГрК РФ).

Считая данный отказ неправомерным, общество обратилось в арбитражный суд.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований, исходя из того, что в данном случае с учетом характера вносимых изменений необходимо получение нового разрешения на строительство, а не внесение изменений в ранее выданные разрешения, которое допустимо в строго определенных случаях, перечисленных в чч. 21⁵—21⁷, 21⁹ ст. 51 ГрК РФ.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда отменено, требования заявителя удовлетворены. Суд пришел к выводу о том, что отсутствие в ГрК РФ норм, регламентирующих порядок внесения изменений в случае изменения проектной документации на объект, находящийся в стадии строительства, не может являться в данном случае основанием для отказа застройщику в реализации его права на приведение строительной документации в соответствие с внесенными в установленном порядке изменениями в проект, в том числе ввиду изменившихся параметров застройки территории.

Арбитражный суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции и постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции.

Уполномоченный орган обратился в Верховный Суд РФ с надзорной жалобой, ссылаясь на исчерпывающий перечень случаев, при которых согласно ст. 51 ГрК РФ допускается внесение изменений в разрешение на строительство, и на то, что двукратное увеличение нагрузки на фундамент может повлечь обрушение здания, поскольку фундамент строящегося объекта запроектирован на строительство жилых домов значительно меньшей этажности. В связи с этим требуется проведение экспертизы фундамента и его несущей прочности.

Президиум Верховного Суда РФ удовлетворил надзорную жалобу в связи со следующим.

Частями 21⁵—21⁷, 21⁹ ст. 51 ГрК РФ предусмотрено внесение изменений в разрешение на строительство в определенных случаях (при переходе прав на земельный участок, разделе или объединении земельных участков) и в порядке, установленном чч. 21¹⁰, 21¹⁴ названной статьи Кодекса.

Между тем в силу ч. 7 ст. 52 ГрК РФ допускается отклонение параметров объекта капитального строительства (высоты, количества этажей, площади, объема) от проектной документации, если необходимость отклонения выявилась в процессе строительства, реконструкции, капитального ремонта такого объекта.

С учетом приведенной нормы следует признать, что предусмотренные ст. 51 ГрК РФ основания внесения изменений в разрешение на строительство не являются исчерпывающими.

Вместе с тем в соответствии с ч. 7 ст. 52 ГрК РФ причины, повлекшие необходимость отклонения параметров объекта капитального строительства от проектной документации, должны быть объективными, не зависящими от воли застройщика.

В данном споре общество просило внести в выданные разрешения на строительство изменения, вызванные намерением названного лица увеличить этажность и количество секций жилых домов.

В материалах дела не имеется доказательств того, что в процессе строительства выявлена объективная необходимость отклонения параметров объекта капитального строительства от проектной документации.

В связи с этим, отказав в переоформлении разрешений на строительство при изложенных обстоятельствах, уполномоченный орган не нарушил положения действующего законодательства.

Кроме того, в представленных обществом положительных заключениях негосударственной экспертизы не отражено, что экспертами учитывалось возведение застройщиком части объектов и что проводилась проверка соответствия уже возведенной части измененному проекту. Между тем изменения проектной документации влияют на конструктивные и другие характеристики надежности и безопасности как объектов капитального строительства в целом, так и уже возведенной части.

Удовлетворение заявленных обществом требований в отсутствие доказательств соответствия уже построенной части объектов условиям измененной проектной документации и требованиям градостроительных и строительных норм и правил, предъявляемым к надежности и безопасности зданий, а также соблюдения этим лицом положений ч. 5 ст. 52 ГрК РФ (извещение органов строительного надзора о начале строительства) нельзя признать правомерным.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 301-ПЭК15*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

I. Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

1. Потребитель вправе расторгнуть договор купли-продажи технически сложного товара и потребовать возврата уплаченной за такой товар денежной суммы по основаниям нарушения продавцом срока проведения гарантийного ремонта и существенного характера выявленного недостатка товара.

К. обратился в суд с иском к официальному дилеру автомобиля приобретаемой марки о расторжении договора купли-продажи автомобиля, взыскании стоимости автомобиля и установленного дополнительного оборудования, неустойки, убытков, причиненных вследствие продажи товара ненадлежащего качества, штрафа, компенсации морального вреда.

В обоснование иска указано следующее. 8 октября 2010 г. по договору купли-продажи у дилера истцом был приобретен автомобиль 2009 года выпуска.

В ходе эксплуатации приобретенного автомобиля неоднократно возникла неисправность: горела контрольная лампа неисправности двигателя. В связи с этим К. обращался в сервисные центры с целью ее устранения.

При обращении к дилеру 16 августа 2013 г. ремонт транспортного средства превысил максимальный срок устранения недостатков, установленный Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей), который составляет 45 дней.

Требования К. от 15 ноября 2013 г. о расторжении договора купли-продажи в связи с пропуском гарантийного срока устранения недостатка

автомобиля ответчиком в добровольном порядке удовлетворены не были.

Решением суда первой инстанции искивые требования К. удовлетворены частично: договор купли-продажи автомобиля расторгнут, в пользу истца взысканы денежные средства, уплаченные им за автомобиль и дополнительное оборудование, неустойка, компенсация морального вреда, штраф.

Апелляционным определением указанное решение суда первой инстанции отменено, по делу постановлено новое решение, которым в удовлетворении требований К. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя в кассационном порядке апелляционное определение и направляя дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указала следующее.

Пунктом 1 ст. 20 Закона о защите прав потребителей предусмотрено, что, если срок устранения недостатков товара не определен в письменной форме соглашением сторон, эти недостатки должны быть устранены изготовителем (продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) незамедлительно, т.е. в минимальный срок, объективно необходимый для их устранения с учетом обычно применяемого способа. Срок устранения недостатков товара, определяемый в письменной форме соглашением сторон, не может превышать сорок пять дней.

Согласно п. 1 ст. 18 Закона о защите прав потребителей в отношении технически сложного товара потребитель в случае обнаружения в нем недостатков вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за такой товар суммы либо предъявить требование о его замене на товар этой же марки (модели, артикула) или на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены в течение пятнадцати дней со дня передачи потребителю такого товара. По истечении этого срока указанные требования подлежат удовлетворению в одном из следующих случаев: обнаружение существенного недостатка товара; нарушение установленных настоящим Законом сроков устранения недостатков товара; невозможность использования товара в течение каждого года гарантийного срока в совокупности более чем тридцать дней вследствие неоднократного устранения его различных недостатков.

Из разъяснений, содержащихся в п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, следует, что обнаружение существенного недостатка товара или нарушение срока устранения недостатков товара являются самостоятельными и достаточными основаниями для удовлетворения требований потребителя.

Требования истца о расторжении договора купли-продажи и возврате уплаченной за товар денежной суммы обоснованы нарушением ответчиком срока проведения гарантийного ремонта и существенным характером выявленного недостатка товара.

Удовлетворяя заявленные истцом требования о расторжении договора купли-продажи, суд первой инстанции исходил из того, что ответчиком нарушен гарантийный срок устранения недостатка автомобиля, который находился на ремонте

в период с 16 августа 2013 г. по 13 октября 2013 г. (59 дней).

С названными выводами суда первой инстанции в части удовлетворения иска К. не согласился суд апелляционной инстанции.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе К. в удовлетворении заявленных требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что истец обратился с требованиями о расторжении договора купли-продажи за пределами установленного гарантийного срока. При этом доказательств наличия существенных недостатков товара, возникших в период гарантийного срока, не представил.

Однако суд апелляционной инстанции при определении даты окончания гарантийного срока не учел положения п. 3 ст. 20 Закона о защите прав потребителей, в соответствии с которыми в случае устранения недостатков товара гарантийный срок на него продлевается на период, в течение которого товар не использовался. Указанный период исчисляется со дня обращения потребителя с требованием об устранении недостатков товара до дня выдачи его по окончании ремонта.

Согласно сервисной книжке, сертификату ограниченной гарантии, а также условиям договора купли-продажи от 8 октября 2010 г. на автомобиль истца установлен гарантийный период 3 года или 100 тыс. км пробега с момента передачи транспортного средства потребителю, а на механизмы двигателя и детали коробки передач — 5 лет или 120 тыс. км пробега.

Судом первой инстанции установлено нахождение автомобиля на гарантийном ремонте в течение первого года гарантии — 10 дней, в течение третьего года гарантии — 59 дней.

С учетом времени нахождения автомобиля на гарантийном ремонте датой окончания основной гарантии является 17 декабря 2013 г., в то время как истец обратился к официальному дилеру с требованием о расторжении договора купли-продажи 15 ноября 2013 г., а с иском в суд — 13 декабря 2013 г.

Поскольку К. обратился к продавцу с требованием о расторжении договора в период гарантийного срока, суд апелляционной инстанции не учел положения п. 6 ст. 18 Закона о защите прав потребителей, в соответствии с которыми в отношении товара, на который установлен гарантийный срок, продавец (изготовитель), уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер отвечает за недостатки товара, если не докажет, что они возникли после передачи товара потребителю вследствие нарушения потребителем правил использования, хранения или транспортировки товара, действий третьих лиц или непреодолимой силы.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, под существенным недостатком товара (работы, услуги) следует понимать в том числе недостаток товара (работы, услуги), который не может быть устранен без несоразмерной затраты времени, — недостаток, на устранение которого затрачивается время, превышающее установленный соглашением сторон в письменной форме и ограниченный сорока пятью днями срок устранения недостатка товара, а если такой срок соглашением сторон не определен, — время, превышающее

минимальный срок, объективно необходимый для устранения данного недостатка обычно применяемым способом.

Судами установлено, что автомобиль находился на гарантийном ремонте 59 дней. Поскольку срок выполнения гарантийного ремонта превысил 45 дней, выявленный недостаток автомобиля является существенным, так как он не мог быть устранен без соразмерной затраты времени, что не было учтено судом апелляционной инстанции.

Отказывая в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции также исходил из того, что, отремонтировав автомобиль, К. выбрал и реализовал свое право на устранение недостатка товара.

Однако суд не учел, что в соответствии с п. 1 ст. 10 Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Свободный и осознанный выбор потребителем способа устранения недостатков мог иметь место лишь в случае, когда он с достоверностью знал о необходимых существенных (более 45 дней) временных затратах на проведение ремонта и при этом согласился с таким способом устранения недостатков товара.

По смыслу закона обязанность по информированию потребителя о сроках ремонта лежит на продавце (изготовителе).

Также о согласии потребителя с таким видом устранения недостатков, как ремонт, может свидетельствовать длительная эксплуатация товара после окончания ремонта.

Автомобиль после устранения недостатков продолжал находиться на станции технического обслуживания после 13 октября до 10 ноября 2013 г. для устранения повреждений кузова, допущенных в период гарантийного ремонта.

Свое намерение расторгнуть договор К. выразил непосредственно после возврата ему машины, написав соответствующую претензию продавцу, а после получения отказа сразу обратился в суд. Это судом апелляционной инстанции учтено не было.

Определение № 5-КГ15-6

II. Разрешение споров, связанных с трудовыми и социальными отношениями

2. Расчет сумм возмещения вреда, причиненного здоровью работника профессиональным заболеванием, произведенный органом социального страхования при получении личного дела застрахованного от работодателя из того же среднемесячного заработка, из которого ранее работодатель исчислил суммы возмещения вреда, сам по себе не свидетельствует о нарушении прав застрахованного лица на выбор периода для расчета среднемесячного заработка, а также на получение им разъяснений о порядке и условиях обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

К. обратилась в суд с иском к органу социального страхования о взыскании ежемесячной страховой выплаты начиная с 1 декабря 2013 г. с последующей индексацией и взыскании задолженности по страховым выплатам с 6 января 2000 г. по 30 ноября 2013 г.

Судом установлено, что К. в период работы на заводе приобрела профессиональное заболе-

вание. Заключением ВТЭК от 8 мая 1990 г. К. установлена утрата трудоспособности вследствие профессионального заболевания в размере 40%.

На основании заявления К. от 16 мая 1990 г. приказом работодателя ей впервые назначены ежемесячные выплаты в счет возмещения вреда здоровью. Размер выплат определен работодателем на основании заявления К. в соответствии с требованиями Правил возмещения предприятия, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением ими трудовых обязанностей, утвержденными постановлением Совета Министров СССР от 3 июля 1984 г. № 690, исходя из средней заработной платы за 12 календарных месяцев перед прекращением работы, повлекшей заболевание, т.е. за период с мая 1987 г. по май 1988 г. с заменой не полностью отработанного месяца (июнь 1987 г.).

В связи с принятием Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ "Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний" на основании заявления К. от 24 января 2000 г. и сведений личного дела, переданного работодателем, органом социального страхования ей назначены страховые выплаты.

Разрешая спор и принимая решение о частичном удовлетворении исковых требований К., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что при назначении ответчиком ежемесячных страховых выплат истцу не было обеспечено ее право на выбор периода заработка для исчисления ежемесячных страховых выплат, поскольку ответчиком не соблюдена обязанность по разъяснению пострадавшему его прав и обязанностей, а также порядка и условий обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

С данным выводом суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 28 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ лицам, получившим до вступления в силу данного Федерального закона увечьем, профессиональным заболеванием либо иное повреждение здоровья, связанные с исполнением ими трудовых обязанностей и подтвержденные в установленном порядке, а также лицам, имеющим право на возмещение вреда в связи со смертью кормильца, обеспечение по страхованию производится страховщиком в соответствии с указанным Федеральным законом независимо от сроков получения увечья, профессионального заболевания либо иного повреждения здоровья.

Устанавливаемое данным лицам при вступлении в силу названного Федерального закона в силу обеспечения по страхованию не может быть ниже установленного им ранее в соответствии с законодательством Российской Федерации возмещения вреда, причиненного увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением трудовых обязанностей.

В силу п. 1 ст. 12 названного Федерального закона размер ежемесячной страховой выплаты

определяется как доля среднего месячного заработка застрахованного до наступления страхового случая, исчисленная в соответствии со степенью утраты им профессиональной трудоспособности.

В соответствии с п. 3 ст. 12 указанного Федерального закона средний месячный заработок застрахованного подсчитывается путем деления общей суммы его заработка за 12 месяцев работы, предшествовавших наступлению страхового случая или утрате либо снижению его трудоспособности (по выбору застрахованного), на 12.

По желанию застрахованного при наступлении страхового случая по причине получения им профессионального заболевания средний месячный заработок может быть подсчитан за последние 12 месяцев работы, предшествовавших прекращению работы, повлекшей такое заболевание.

Пунктом 9 ст. 12 названного Федерального закона установлено, что исчисленная и назначенная ежемесячная страховая выплата в дальнейшем перерасчете не подлежит, за исключением случаев изменения степени утраты профессиональной трудоспособности, изменения круга лиц, имеющих право на получение страховых выплат в случае смерти застрахованного, а также случаев индексации ежемесячной страховой выплаты.

Разрешая спор, суд исходил из того, что ответчик при решении вопроса о назначении страховой выплаты К. не принял мер к получению надлежащих документов с данными о ее заработке, в связи с чем неправильно произвел расчет средней заработной платы, занизив тем самым сумму страховых выплат.

Между тем в соответствии с Порядком проведения исполнительными органами Фонда социального страхования РФ организационно-подготовительной работы по введению обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, утвержденным приказом ФСС России от 9 сентября 1998 г. № 152, действовавшим на момент передачи работодателем личного дела К. в орган социального страхования, данный орган осуществлял проверку личных дел потерпевших при передаче по следующим направлениям: наличие в личном (учетном) деле потерпевшего всех документов, необходимых для обеспечения по социальному страхованию; обоснованность назначения возмещения вреда в связи с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием по каждому потерпевшему в соответствии с действующим законодательством; правильность определения установленных потерпевшим размеров ежемесячных выплат в возмещение вреда (с учетом повышения стоимости жизни и увеличений минимального размера оплаты труда).

Согласно подп. 8 п. 1 ст. 16 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ застрахованный имеет право на получение от страхователя и страховщика бесплатной информации о своих правах и обязанностях по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Подпунктом 9 п. 2 ст. 18 названного Федерального закона предусмотрена обязанность страховщика по разъяснению пострадавшему его прав и обязанностей, а также порядка и условий обязательного социального страхования от не-

счастливых случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Судом установлено, что ежемесячные страховые выплаты назначены ответчиком К. на основании ее заявления с учетом сведений о назначении ей сумм возмещения вреда здоровью работодателем в 1990 году. Данных о том, что ответчиком при назначении сумм возмещения вреда здоровью К. не была исполнена предусмотренная законом обязанность по разъяснению пострадавшему его прав в части условий и порядка обязательного социального страхования, а также не выполнены определенные названным выше положением действия по проверке правильности определения установленных истцу размеров ежемесячных выплат в возмещение вреда, в материалах дела не имеется, К. доказательств обратного также представлено не было.

С учетом того, что К. не обращалась ни на момент передачи ее личного дела от работодателя к ответчику с заявлением о перерасчете суммы возмещения вреда, ни впоследствии в орган социального страхования о перерасчете ежемесячных страховых выплат, Судебная коллегия пришла к выводу, что расчет, произведенный ответчиком из того же среднемесячного заработка, из которого исчислил суммы возмещения вреда работодатель (причинитель вреда) на основании заявления К., соответствует положениям п. 3 ст. 12, п. 1 ст. 28 и подп. 9 п. 2 ст. 18 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ.

Таким образом, у суда отсутствовали предусмотренные законом основания для принятия решения о перерасчете назначенных ответчиком К. ежемесячных страховых выплат и взыскании задолженности по ним.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Определение № 45-КГ14-15

3. Период участия в контртеррористической операции во время прохождения службы по призыву засчитывается сотруднику органов внутренних дел в выслугу лет для назначения пенсии в календарном исчислении.

А. обратился в суд с иском к органу внутренних дел о пересмотре расчета срока выслуги лет для назначения пенсии.

Как установлено судом, с 28 июня 1999 г. по 20 октября 2000 г. А. проходил действительную военную службу по призыву. В период с 23 декабря 1999 г. по 31 августа 2000 г. в составе войсковой части он участвовал в проведении контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона, о чем имеется запись в его военном билете.

В период с 13 марта 2001 г. по 28 ноября 2013 г. А. проходил службу в должности инспектора дорожно-патрульной службы органа внутренних дел.

В выслугу лет при увольнении со службы в органах внутренних дел А. были включены следующие периоды: учеба в колледже с 1 сентября 1995 г. по 19 июня 1999 г. из расчета один год учебы за шесть месяцев службы; служба по призыву во внутренних войсках МВД России с 28 июня 1999 г. по 20 октября 2000 г. в календарном исчислении; служба в органах внутренних дел с 13 марта 2001 г. по 28 ноября 2013 г. в календарном и льготном исчислении.

Период участия А. в контртеррористической операции с 23 декабря 1999 г. по 31 августа 2000 г. во время прохождения службы по призыву во внутренних войсках МВД России засчитан ему в выслугу лет в календарном исчислении.

Разрешая спор и отказывая А. в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что порядок льготного исчисления продолжительности военной службы (службы в органах внутренних дел) и основания его применения установлены в постановлении Совета Министров — Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941 “О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семьям в Российской Федерации” (далее — постановление от 22 сентября 1993 г. № 941), которым не предусмотрена возможность льготного исчисления периода прохождения службы по призыву в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах.

При этом суд указал, что действие Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-І “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей” не распространяется на военнослужащих, проходивших военную службу по призыву (действительную срочную военную службу).

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и в дополнение к ним признал неправильным толкование истцом положений ст. 2 Закона РФ от 21 января 1993 г. № 4328-І “О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах”.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала приведенные выводы судебных инстанций правильными, основанными на подлежащих применению нормах материального права и установленных обстоятельствах дела.

В обоснование как исковых требований, так и доводов кассационной жалобы заявитель как проходивший службу по призыву во внутренних войсках МВД России, в том числе с 23 декабря 1999 г. по 20 октября 2000 г. в Чеченской Республике, ссылаясь на положения ч. 2 ст. 2 Закона РФ от 21 января 1993 г. № 4328-І, согласно которым военнослужащим, выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, для назначения пенсии засчитывается в выслугу лет и трудовой стаж один месяц военной службы за три месяца.

Между тем Закон РФ от 21 января 1993 г. № 4328-І вопросы пенсионного обеспечения военнослужащих не регламентирует, а устанавливает лишь общие условия единой системы их правовой и социальной защиты, которые конкретизированы в иных нормативных правовых актах.

В частности, Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-І и Федеральным законом от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ “О трудовых пенсиях в Российской Федерации” установлен дифференцированный порядок льготного исчисления выслуги лет и трудового стажа военнослужащих, выполняющих задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах.

Пенсионное обеспечение сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих, в том числе исчисление выслуги лет для назначения пенсии, регламентируется Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-І.

В ст. 1 этого Закона перечислены лица, на которых распространяется действие данного Закона, в частности лица, проходившие военную службу в качестве офицеров, прапорщиков и мичманов или военную службу по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин в Вооруженных Силах РФ, других воинских формированиях Российской Федерации, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, и семьи этих лиц.

В силу ст. 2 названного Закона пенсионное обеспечение лиц, проходивших военную службу по призыву в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин (ранее — действительную срочную военную службу) в вооруженных силах и воинских формированиях, указанных в п. “а” ст. 1 данного Закона, и семей этих лиц осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”.

Согласно ч. 3 ст. 18 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-І порядок исчисления выслуги лет для назначения пенсии лицам, указанным в ст. 1 этого Закона, определяется Правительством РФ.

Абзацем 1 п. 5 постановления Совета Министров — Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941, изданного во исполнение требований Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-І, установлено, что военная служба по призыву в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин (ранее — срочная военная служба), кроме периодов, подлежащих зачету в выслугу лет на льготных условиях, предусмотренных для военнослужащих воинских частей, штабов и учреждений действующей армии, военнослужащих, проходивших службу или находившихся в плену в период Великой Отечественной войны, принимавших участие в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС либо необоснованно привлеченных к уголовной ответственности или репрессированных, засчитывается в выслугу лет для назначения пенсий в календарном исчислении.

В соответствии с п. 4 ст. 30 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ “О трудовых пенсиях в Российской Федерации” периоды службы в воинских частях, штабах и учреждениях, входящих в состав действующей армии, в партизанских отрядах и соединениях в период боевых действий, а также время нахождения на излечении в лечебных учреждениях вследствие военной травмы, периоды военной службы в зоне отчуждения, определяемой в соответствии с Законом РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-І “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”, включаются в общий трудовой стаж в тройном размере.

Пунктом 2 постановления Верховного Совета РФ от 21 июля 1993 г. № 5481/І-І “О порядке введения в действие Закона Российской Федера-

ции “О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах” указано на то, что при применении ч. 2 ст. 2 Закона РФ от 21 января 1993 г. № 4328-I в целях исчисления трудового стажа для назначения пенсий в соответствии со ст. 94 Закона РСФСР от 20 ноября 1990 г. № 340-I “О государственных пенсиях в РСФСР” военнослужащие, выполняющие задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, считаются проходящими военную службу в действующей армии.

Таким образом, из содержания приведенных нормативных положений следует, что военнослужащим, проходящим военную службу по контракту и выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, срок службы засчитывается в выслугу лет в соответствии с Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I. Военнослужащим, выполняющим аналогичные задачи по призыву в период выполнения задач в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, срок службы засчитывается в льготном (в тройном размере) исчислении в трудовой стаж в соответствии с Федеральным законом “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”.

Судебные инстанции, разрешая спор, исходили именно из такого толкования подлежащих применению к спорным отношениям норм материального права, которое является правильным, в связи с чем правомерно не засчитали в выслугу лет в льготном исчислении А. период его участия в контртеррористической операции.

Ссылка А. в кассационной жалобе на ст. 22 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ “О борьбе с терроризмом” (утратил силу с 1 января 2007 г. в связи с принятием Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ “О противодействии терроризму”) в обоснование довода о том, что период его службы с 23 декабря 1999 г. по 20 октября 2000 г. в Чеченской Республике должен быть засчитан в льготном исчислении в выслугу лет, признана несостоятельной в связи со следующим.

В период с 23 декабря 1999 г. по 20 октября 2000 г. в Чеченской Республике чрезвычайное (военное) положение не вводилось, а действовал режим контртеррористической операции (раздел III приложения к Федеральному закону от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ “О ветеранах”).

Правовое регулирование проведения контртеррористических операций установлено Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ “О противодействии терроризму”.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 20 данного Федерального закона лица, участвующие в борьбе с терроризмом, находятся под защитой государства и подлежат правовой и социальной защите. К указанным лицам относятся, в частности, военнослужащие, сотрудники и специалисты федеральных органов исполнительной власти и иных государственных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом.

При этом в силу ч. 1 ст. 23 Федерального закона “О противодействии терроризму” военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти и иных государственных

органов, проходящим (проходившим) службу в подразделениях, непосредственно осуществляющих (осуществлявших) борьбу с терроризмом, в выслугу лет (трудовой стаж) для назначения пенсий один день службы засчитывается за полтора дня, а время непосредственного участия в контртеррористических операциях — из расчета один день службы за три дня.

Согласно ч. 2 ст. 20 названного Федерального закона социальная защита лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, осуществляется с учетом правового статуса таких лиц, устанавливаемого федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, в порядке, установленном Правительством РФ.

Подпунктом “в” п. 4 постановления Правительства РФ от 9 февраля 2004 г. № 65 “О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации” установлено, что в выслугу лет (трудовой стаж) для назначения пенсии засчитывается время непосредственного участия в составе специальных сил и сил Объединенной группировки в контртеррористических операциях из расчета 1 месяц службы (военной службы) за 3 месяца сотрудникам и военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Таким образом, из названного постановления Правительства РФ и Федерального закона “О противодействии терроризму” следует, что в льготном исчислении в выслугу лет засчитывается время непосредственного участия в контртеррористических операциях военнослужащим, обладающим статусом лица, проходящего военную службу по контракту.

Аналогичное правовое регулирование имело место и в ранее действовавшем Федеральном законе от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ “О борьбе с терроризмом” (подп. 1 п. 1 и п. 2 ст. 19, ст. 22).

Довод в кассационной жалобе А. о том, что Указ Президента Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 1054 “О льготных условиях исчисления срока военной службы (службы) в воинских (специальных) званиях” (признан утратившим силу Указом Президента Российской Федерации от 9 июля 2007 г. № 860) не содержит разграничения прав на льготное исчисление выслуги лет военнослужащих срочной службы по принципу прохождения службы по призыву либо по контракту, юридического значения не имеет, так как данный правовой акт не определяет порядок льготного исчисления выслуги лет для назначения пенсии.

Судом установлено, что А. проходил военную службу по призыву во внутренних войсках МВД России.

Федеральный закон от 6 февраля 1997 г. № 27-ФЗ “О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации” также не предусматривает возможности засчитывать в выслугу лет в льготном исчислении срок военной службы военнослужащим внутренних войск, проходящим военную службу по призыву.

Так, согласно ст. 37 данного Федерального закона:

срок военной службы, засчитываемый в выслугу лет, дающую право на пенсию, военнослужащим внутренних войск, проходящим военную службу по контракту, исчисляется из расчета один месяц за три месяца;

срок военной службы, засчитываемый в трудовой стаж для назначения пенсии, военнослужащим внутренних войск, проходящим военную службу по призыву, исчисляется из расчета один месяц за три месяца.

Следовательно, в данном случае льготное исчисление периодов прохождения службы военнослужащим внутренних войск, проходящим военную службу по призыву, будет также учитываться при назначении пенсии в соответствии с Федеральным законом “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, а не с Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии оснований для удовлетворения исковых требований А. соответствующими положениям Закона РФ от 21 января 1993 г. № 4328-1, Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 и постановления Совета Министров — Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941, поскольку правило о льготном исчислении выслуги лет и трудового стажа всем военнослужащим, выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, должно применяться дифференцированно, т.е. в зависимости от того, проходила военная служба по контракту или по призыву, а именно: военнослужащим, проходившим военную службу по контракту и выполнявшим задачи в условиях чрезвычайного положения, срок такой службы засчитывается в льготном исчислении в выслугу лет, а военнослужащим, выполнявшим аналогичные задачи по призыву, — в льготном исчислении в трудовой стаж.

Определение № 83-КГ14-14

III. Разрешение споров, связанных с воспитанием детей

4. По требованиям об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей в целях всестороннего и полного исследования доказательств и обстоятельств дела суд назначает экспертизу для диагностики внутрисемейных отношений.

Такого рода споры между родителями разрешаются судом с учетом мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет.

Р. (отец несовершеннолетних детей) обратился в суд с иском к Е. (матери несовершеннолетних детей) об определении места жительства детей Д. и Н., освобождении от уплаты алиментов в отношении детей, возложении на ответчика обязанности передать детей истцу.

Е. исковые требования не признала и обратилась со встречным иском к Р., в котором просила определить место жительства детей с ней.

Как установлено судом и подтверждено доказательствами по делу, брак между Е. и Р. прекращен 21 мая 2011 г. на основании решения мирового судьи. От брака стороны имеют двух несовершеннолетних детей Д. и Н. Судебным приказом от 22 января 2013 г. с Р. в пользу Е. взысканы алименты на содержание детей Д. и Н.

Р. и Е. проживают раздельно, несовершеннолетние дети Д. и Н. с сентября 2013 г. по июнь 2014 г. проживали с отцом.

В соответствии с актом обследования жилищно-бытовых условий от 27 июня 2014 г. по месту жительства Р. проживает вместе с женой Т. и четырьмя несовершеннолетними детьми (три сына и дочь Т.) в двухкомнатной квартире общей

площадью 41,7 кв.м. У детей имеется отдельная комната, в которой присутствуют спальные места, имеются два стола для выполнения уроков, компьютер, принтер, шкаф для детской одежды, большое количество игрушек. Д. обучается в общеобразовательной школе, посещает секцию тэквандо, Н. является воспитанником детского сада.

Согласно акту обследования жилищно-бытовых условий от 30 июня 2014 г. по месту жительства Е. на момент обследования она проживает с несовершеннолетними детьми в двухкомнатной квартире. В квартире имеется необходимая мебель для проживания, детям выделена отдельная комната 16 кв.м, где есть спальные места для детей, стол для занятий, телевизор, компьютер, игрушки, книги и др. По месту жительства Е. созданы необходимые условия для проживания несовершеннолетних детей.

Разрешая спор и определяя место жительства несовершеннолетних детей с отцом, суд первой инстанции, руководствуясь ст.ст. 61 и 65 СК РФ, исходил из того, что с сентября 2013 г. дети проживали и воспитывались с отцом, которым созданы надлежащие условия для их воспитания, развития и образования, у детей сложился привычный круг общения. Кроме того, суд принял во внимание заключение органа социальной защиты, согласно которому место жительства несовершеннолетних Д. и Н. возможно определить по месту жительства их отца Р.

С выводами суда первой инстанции согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления как принятые с существенным нарушением норм материального и процессуального права и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав в том числе следующее.

Пунктом 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка провозглашено, что во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Согласно разъяснениям, изложенным в пп. 5, 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 “О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей”, при решении вопроса о месте жительства несовершеннолетнего ребенка при раздельном проживании родителей следует принимать во внимание помимо указанных в п. 3 ст. 65 СК РФ обстоятельств реальную возможность родителя обеспечить надлежащее воспитание ребенка, характер сложившихся взаимоотношений родителя с ребенком, привязанность ребенка к лицам, у которых он находится, другие обстоятельства, характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей.

В соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

По данному делу по требованиям родителей об определении места жительства детей одним из юридически значимых и подлежащих доказыванию обстоятельств с учетом подлежащих приме-

нению норм материального права являлось выяснение вопроса о том, проживание с кем из родителей (матерью или отцом) наиболее полно будет соответствовать интересам детей.

Исходя из положений ст.ст. 67, 71, 195—198 ГПК РФ выводы суда о фактах, имеющих юридическое значение для дела, не должны быть общими и абстрактными, они должны быть указаны в судебном постановлении убедительным образом со ссылками на нормативные правовые акты и доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости (ст.ст. 59, 60 ГПК РФ). В противном случае нарушаются задачи и смысл судопроизводства, установленные ст. 2 Кодекса.

Оценка доказательств и отражение ее результатов в судебном решении являются проявлением дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия, вытекающих из принципа самостоятельности судебной власти, что, однако, не предполагает возможность оценки судом доказательств произвольно и в противоречии с законом.

Эти требования закона судами первой и апелляционной инстанций выполнены не были. Перечислив доводы сторон и доказательства, суд не отразил в решении мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, а другие доказательства отвергнуты, и основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими, т.е. решение суда нельзя назвать мотивированным.

Судом не учтено, что при рассмотрении дела он обязан исследовать по существу все фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту, закрепленное в ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, оказывалось бы существенно ущемленным.

Определяя местом жительства несовершеннолетних детей место жительства истца, суд первой инстанции сослался на заключение компетентного органа, согласно которому ввиду того, что дети с сентября 2013 г. проживали и воспитывались ответчиком и им были созданы надлежащие условия для их воспитания, развития и образования, возможно проживание несовершеннолетних детей с их отцом.

Между тем в материалах дела содержатся заключения в отношении несовершеннолетних Д. и Н., составленные директором муниципального бюджетного учреждения — центра психолого-педагогической поддержки несовершеннолетних В., являющейся педагогом-психологом, из которых следует, что мальчики в большей степени испытывают доверительные отношения к маме и негативно относятся как к самому Р., так и к его новой семье, проживать с ними не хотят.

Суд критически отнесся к заключению органа социальной защиты, в соответствии с которым по месту жительства Е. созданы необходимые условия для проживания детей и которым рекомендовано оставить детей с матерью, тогда как по месту проживания Р. соответствующие условия для проживания четырех детей не созданы, поскольку размер выделенной для детей комнаты составляет 12 кв.м, что не соответствует нормам.

Как установлено судом и отражено в акте обследования жилищно-бытовых условий, проведенного по месту жительства Р. (отца несовершеннолетних детей), Р. проживает вместе с женой Т., детьми Д., Н., А. и К. в двухкомнатной квартире общей площадью 41,7 кв.м, жилой площадью 21,8 кв.м, 1/2 доли данной квартиры при-

надлежит на праве собственности Т. Проживающие в одной из комнат площадью 12 кв.м четверо детей являются лицами разного пола.

Согласно ст. 12 Конвенции о правах ребенка ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, должно быть обеспечено право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим его, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. С этой целью ребенку, в частности, предоставляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства.

Как указано в ст. 57 СК РФ, ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. В случаях, предусмотренных ст.ст. 59, 72, 132, 134, 136, 143, 145 названного Кодекса, органы опеки и попечительства или суд могут принять решение только с согласия ребенка, достигшего возраста десяти лет.

При этом мнение ребенка о том, с кем из родителей он желает проживать, выявляется, как правило, органами опеки и попечительства, составляющими акты обследования жилищно-бытовых условий и соответствующие заключения. Кроме того, мнение ребенка выявляется также педагогами или воспитателями детских учреждений по месту учебы или нахождения ребенка, социальными педагогами школы, инспекторами по делам несовершеннолетних.

Между тем, решая вопрос о предпочтении проживания несовершеннолетних Д. и Н. с истцом, суд в нарушение приведенных норм права не учел желание старшего сына бывших супругов проживать со своей матерью по месту ее жительства.

Будучи опрошенным в судебном заседании, несовершеннолетний Д. последовательно утверждал о своем желании проживать с матерью. Мальчик указывал на то, что проживать по месту жительства мамы ему нравится больше, у него появились новые друзья, с которыми он гуляет и к которым ходит в гости, посещает спортивную секцию. По мнению ребенка, он хочет учиться в школе, находящейся в городе, мама с ним занимается домашними уроками, гуляет, покупает одежду и игрушки.

Опрошенный в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции педагог-психолог В. пояснила, что несовершеннолетний Д. выразил желание жить с матерью, что также было отражено в психолого-педагогическом обследовании ребенка от 30 июня 2014 г.

Согласно принципу 6 Декларации прав ребенка, принятой Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г., ребенок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании. Он должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью своих родителей и во всяком случае в атмосфере любви и моральной и материальной обеспеченности; малолетний ребенок не должен, кроме случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью.

Между тем суд не установил и не указал на такие исключительные обстоятельства разлучения с матерью малолетних Д. и Н. при решении вопроса о месте жительства детей с отцом.

Помимо изложенного выше при определении места жительства ребенка с одним из родителей юридически значимыми обстоятельствами, влияющими на правильное разрешение такого рода споров, являются: проявление одним из родителей большей заботы и внимания к ребенку; социальное поведение родителей; морально-психологическая обстановка, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей; возможность своевременного получения медицинской помощи; наличие или отсутствие у родителей другой семьи; привычный круг общения ребенка (друзья, воспитатели, учителя); привязанность ребенка не только к родителям, братьям и сестрам, но и к дедушкам, бабушкам, проживающим с ними одной семьей, приближенность места жительства родственников (бабушек, дедушек, братьев, сестер и т.д.), которые реально могут помочь родителю, с которым остается проживать ребенок, в его воспитании; удобство расположения образовательных учреждений, спортивных клубов и учреждений дополнительного образования, которые посещает ребенок, и возможность создания каждым из родителей условий для посещения таких дополнительных занятий; цель предъявления иска.

При установлении тех или иных обстоятельств, требующих специальных знаний, суд назначает экспертизу для диагностики внутрисемейных отношений и взаимоотношений ребенка с каждым из родителей, для выявления психологических особенностей каждого из родителей и ребенка, для психологического анализа ситуации в целом (семейного конфликта), для определения наличия или отсутствия психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей. В этих целях судами, в частности, должны быть назначены судебно-психологические, судебно-психиатрические, а также комплексные судебные экспертизы (психолого-психиатрические, психолого-педагогические, психолого-валеологические, социально-психологические).

Указанные вопросы не были поставлены судом на обсуждение и не исследовались, а заключение органа опеки и попечительства, на основании которого был сделан вывод о соответствии проживания детей с отцом их интересам, принято во внимание без учета всех юридически значимых по делу обстоятельств.

Определение № 45-КГ15-3

IV. Процессуальные вопросы

5. Неизвещение судом лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания является существенным нарушением норм процессуального права.

Решением суда первой инстанции были удовлетворены исковые требования К. к М. о понуждении исполнить предварительный договор и заключить основной договор купли-продажи.

Суд апелляционной инстанции указанное решение отменил и принял по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований К.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассматривая дело в кассационном порядке, установила допущенное судом апелляционной инстанции существенное нарушение норм процессуального права.

Отменяя состоявшееся по делу апелляционное определение и направляя дело на новое судебное рассмотрение в суд апелляционной инстанции, Судебная коллегия, в частности, указала следующее.

В соответствии с ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

В силу ст. 155 ГПК РФ разбирательство гражданского дела происходит в судебном заседании с обязательным извещением лиц, участвующих в деле, о времени и месте заседания.

Согласно ч. 1 ст. 327 Кодекса суд апелляционной инстанции извещает лиц, участвующих в деле, о времени и месте рассмотрения жалобы, представления в апелляционном порядке; суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных главой 39 Кодекса.

Частью 3 ст. 167 Кодекса предусмотрено, что суд вправе рассмотреть дело в случае неявки кого-либо из лиц, участвующих в деле и извещенных о времени и месте судебного заседания, если ими не представлены сведения о причинах неявки или суд признает причины их неявки неуважительными.

Частью 1 ст. 113 ГПК РФ установлено, что лица, участвующие в деле, извещаются или вызываются в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату.

Таким образом, независимо от того, какой из способов извещения участников судопроизводства избирается судом, любое используемое средство связи или доставки должно обеспечивать достоверную фиксацию переданного сообщения и факт его получения адресатом.

Рассмотрение дела по апелляционной жалобе ответчика было назначено в суде апелляционной инстанции на 1 апреля 2014 г.

Согласно справке, находящейся в материалах дела, рассмотрение дела было перенесено на 10 апреля 2014 г. в связи с болезнью судьи. При этом документов, подтверждающих направление сторонам по делу извещений о назначении рассмотрения дела на указанную дату и их получение сторонами, в материалах дела нет.

Апелляционным определением, датированным 1 апреля 2014 г., апелляционная жалоба М. рассмотрена в отсутствие истца и ответчика.

В протоколе судебного заседания не указано, что неявившиеся лица о времени и месте рассмотрения дела надлежащим образом извещены, при этом протокол датирован 10 апреля 2014 г.

Информации о своевременном направлении извещения К. на 10 апреля 2014 г., а также данных о вручении его истцу в материалах дела не имеется.

Следовательно, извещение истца К. не может признаваться надлежащим.

Как указала Судебная коллегия, суд второй инстанции рассмотрел дело по апелляционной жалобе ответчика М. в отсутствие К., не извещенной о времени и месте судебного заседания, что сделало невозможным реализацию истцом ее процессуальных прав и является существенным нарушением норм процессуального права.

Определение № 9-КГ14-8

Изменение порядка и способа исполнения решения суда

6. Предусмотренная законом возможность оставления не реализованного на торгах заложенного имущества за взыскателем сама по себе не является основанием для отказа в пересмотре вопроса о начальной продажной цене такого имущества, установленной вступившим в законную силу решением суда.

Банк обратился в суд с заявлением об изменении порядка и способа исполнения решения суда, которым в пользу банка обращено взыскание на предмет залога — земельный участок, принадлежащий Т. В обоснование банком указано, что с момента вынесения решения суда стоимость заложенного имущества значительно снизилась, вследствие чего стала невозможной его реализация по цене, указанной в решении суда. Банк просил снизить начальную продажную стоимость земельного участка в соответствии с его действительной рыночной стоимостью.

Определением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в кассационном порядке отменила данное апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Как следует из обжалуемых судебных постановлений, решением районного суда от 10 июня 2010 г., вступившим в законную силу 24 августа 2010 г., были удовлетворены иски требования банка к Т., обращено взыскание на недвижимое имущество ответчика по договору об ипотеке, заключенному между банком и Т., — земельный участок путем продажи с публичных торгов. Решением суда установлена начальная продажная цена данного земельного участка при его реализации — 92 400 тыс. рублей без учета НДС.

Постановлением судебного пристава-исполнителя от 27 мая 2013 г., т.е. спустя более 3,5 лет после вступления решения суда в законную силу, земельный участок был передан в Росимущество для реализации на открытых торгах, проводимых в форме аукциона по цене, установленной решением суда.

Согласно протоколу торгов от 8 августа 2013 г. торги не состоялись в связи с отсутствием допущенных участников — не было подано ни одной заявки.

В обоснование требований об уменьшении начальной продажной цены заложенного имущества банком представлен отчет об оценке, согласно которому рыночная стоимость предмета залога — земельного участка — по состоянию на октябрь 2013 г. определена в 72 млн. рублей, т.е. на 20 400 тыс. рублей меньше, чем это было установлено судом в 2010 году.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции пришел к выводу, что начальная продажная цена заложенного имущества установлена вступившим в законную силу решением суда от 10 июня 2010 г., изменение рыночной стоимости имущества приведет к изменению содержания решения суда, а следовательно, требования банка не могут быть удовлетворены в порядке, предусмотренном ст. 434 ГПК РФ.

Суд апелляционной инстанции не нашел оснований для отмены или изменения постановления суда первой инстанции, указав, что в случае признания повторных торгов несостоявшимися банк вправе оставить имущество за собой по цене не более чем на 25% ниже его первоначальной продажной цены.

Судебная коллегия признала указанные выводы судов первой и апелляционной инстанций ошибочными.

В силу подп. 3 п. 2 ст. 54 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ “Об ипотеке (залоге недвижимости)”, принимая решение об обращении взыскания на заложенное имущество, суд должен определить и указать в нем способ и порядок реализации заложенного имущества, на которое обращается взыскание. Если стороны заключили соглашение, устанавливающее порядок реализации предмета ипотеки, суд определяет способ реализации заложенного имущества в соответствии с условиями такого соглашения.

Таким образом, согласно указанной норме Федерального закона начальная продажная цена устанавливается в соответствии с рыночной ценой заложенного имущества.

Порядок изменения начальной продажной цены имущества в случае изменения его рыночной цены законом прямо не урегулирован.

Вместе с тем в соответствии с ч. 4 ст. 1 ГПК РФ в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулиющую сходные отношения (аналогия закона).

Применительно к данному случаю такой нормой является ст. 434 ГПК РФ, согласно которой при наличии обстоятельств, затрудняющих исполнение судебного постановления или постановлений иных органов, взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель вправе поставить перед судом, рассмотревшим дело, или перед судом по месту исполнения судебного постановления вопрос об отсрочке или о рассрочке исполнения, об изменении способа и порядка исполнения, а также об индексации присужденных денежных сумм. Такие заявления сторон и представление судебного пристава-исполнителя рассматриваются в порядке, предусмотренном ст.ст. 203 и 208 Кодекса.

В соответствии с ч. 1 ст. 203 этого Кодекса суд, рассмотревший дело, по заявлениям лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя либо исходя из имущественного положения сторон или других обстоятельств вправе отсрочить или рассрочить исполнение решения суда, изменить способ и порядок его исполнения.

Как следует из обжалуемых судебных постановлений, действия по исполнению решения суда были начаты почти через 4 года после определения судом начальной продажной цены заложенного имущества, в связи с чем его рыночная стоимость могла значительно измениться.

Указание суда апелляционной инстанции на то, что имеется предусмотренная законом возможность оставить спорное имущество за взыскателем по цене до 25% ниже от первоначальной, само по себе не является основанием для отказа в пересмотре вопроса о начальной продажной цене имущества, поскольку указанное судом апелляционной инстанции снижение цены оставляемого за взыскателем имущества производится исходя из начальной продажной цены, определяемой судом в соответствии с рыночной стоимостью имущества.

Допущенные судом нарушения норм процессуального права являются существенными и привели к необоснованному отказу в удовлетворении заявления банка об изменении порядка и способа исполнения решения суда.

Определение № 45-КГ14-11

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

I. Разрешение споров, возникающих из обязательственных правоотношений

1. При отсутствии в многоквартирных домах общедомовых приборов учета сточных вод ресурсоснабжающая организация не может начислять плату за услугу по водоотведению в отношении общедомовых нужд.

Общество поставляло в многоквартирные дома холодную воду и оказывало услуги по водоотведению бытовых сточных вод.

Многоквартирные дома не были оборудованы общедомовыми приборами учета сточных вод.

В квитанции на оплату услуг, предъявляемых жильцам, общество включало плату за услуги по водоотведению на общедомовые нужды. Расчет платы осуществлялся на основе объема водоотведения, равного объему водопотребления, который определялся по нормативам потребления коммунальных услуг по водоснабжению (формула 12 приложения № 2 к Правилам предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденным постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 (далее — Правила)).

По результатам проверки государственной жилищной инспекцией субъекта Российской Федерации (далее — инспекция) обществу выдано два предписания: о необходимости перерасчета размера платы за водоотведение и об исключении из нее платы за водоотведение, начисленной на общедомовые нужды.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к инспекции о признании незаконными указанных предписаний.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что правоотношения по предоставлению коммунальных услуг в жилых домах в приоритетном порядке регулируются жилищным законодательством, в соответствии с которым с 1 июня 2013 г. коммунальная услуга по водоотведению для общедомовых нужд не оказывается и плата за нее не взимается. При отсутствии общедомового и квартирных приборов учета сточных вод объем услуг по водоотведению рассчитывается как сумма объемов горячей и холодной воды, потребленных в жилых и нежилых помещениях многоквартирного дома, определенных по приборам учета (при наличии таковых) или по нормативам потребления коммунальных услуг.

Арбитражный суд округа своим постановлением отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и признал незаконными оспариваемые предписания. Суд пришел к выводу, что при отсутствии общедомового прибора учета сточных вод допускается осуществление коммерческого учета расчетным способом: объем отведенных абонентом сточных вод принимается равным объему воды, поданной этому абоненту из всех источников централизованного водоснабжения (п. 11 ст. 20 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ “О водоснабжении и водоотведении”; далее — Закон о водоснабжении). Объем воды, поступившей в многоквартирные дома, определен по показаниям общедомовых приборов учета.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила без из-

менения решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Из системного толкования п. 5 ст. 1 Закона о водоснабжении и ч. 2 ст. 5, п. 10 ч. 1 ст. 4 ЖК РФ следует, что правила определения объема коммунальных услуг регулируются в первую очередь нормами Жилищного кодекса РФ и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства РФ, нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Закон о водоснабжении в этой части к данному спору не применим.

Порядок определения размера платы за коммунальные услуги определяется Правилами. При этом порядок определения размера платы за коммунальную услугу, предоставленную на общедомовые нужды, зависит от наличия коллективного прибора учета коммунального ресурса.

При отсутствии коллективного (общедомового) прибора учета сточных вод размер платы за коммунальную услугу по водоотведению, предоставленную на общедомовые нужды, равен произведению тарифа на водоотведение и объема (количества) коммунального ресурса, предоставленного за расчетный период на общедомовые нужды и приходящийся на конкретное жилое или нежилое помещение. Согласно п. 48 Правил, пп. 10, 17 и формулам 10 и 15 приложения № 2 к этим Правилам указанный объем рассчитывается как произведение доли в общей площади помещений, входящих в состав общего имущества многоквартирного дома, и норматива потребления коммунальной услуги по водоотведению, предоставленной на общедомовые нужды за расчетный период в многоквартирном доме, установленного в соответствии с Правилами установления и определения нормативов потребления коммунальных услуг, утвержденными постановлением Правительства РФ от 23 мая 2006 г. № 306.

Данными Правилами не предусмотрен расчет норматива потребления коммунальной услуги по водоотведению на общедомовые нужды. Ранее действовавшие нормы, которые предусматривали такой норматив, исключены из этих Правил.

Ввиду того, что в многоквартирных домах отсутствовали общедомовые приборы учета сточных вод, законных оснований для начисления обществом платы за услугу по водоотведению в отношении общедомовых нужд не имелось.

Определение № 310-ЭС14-5955

2. Если собственниками помещений в многоквартирном доме заключен договор с управляющей организацией, последняя является надлежащим ответчиком по иску ресурсоснабжающей организации о возмещении расходов на установку общедомового прибора учета. Размер обязательства управляющей организации по возмещению этих расходов не должен превышать совокупный размер обязательств собственников помещений многоквартирного дома.

Ресурсоснабжающая организация на основании п. 12 ст. 13 Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ “Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон об энергосбережении) установила в многоквартирном доме за свой счет общедомовой прибор учета тепловой энергии и ввела его в эксплуатацию.

Поскольку собственники помещений в многоквартирном доме не возместили ресурсоснабжающей организации расходы на установку, последняя обратилась с иском в арбитражный суд к управляющей многоквартирным домом организации о выплате указанных расходов.

В возражениях на иск управляющая организация ссылаясь на то, что оплачивать спорные расходы должны непосредственно собственники помещений. Кроме того, управляющая организация не должна за счет собственных средств одновременно оплачивать расходы на установку приборов учета, поскольку собственникам помещений законом предоставлена рассрочка на пять лет.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ поддержала вывод судов нижестоящих инстанций о том, что управляющая организация является надлежащим ответчиком по данному иску, поскольку собственники помещений заключают с ней договор именно для решения всех вопросов управления многоквартирным домом.

Исходя из системного толкования ст. 162 ЖК РФ, п. 20 Правил осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами, утвержденных постановлением Правительства РФ от 15 мая 2013 г. № 416, пп. 24, 26 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491, управляющая организация в силу своего статуса имеет исчерпывающую информацию о доле каждого собственника в праве общей собственности на общее имущество и наделена полномочиями по получению платежей от собственников за оказываемые управляющей организацией услуги и расчету с ресурсоснабжающими организациями.

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно п. 12 ст. 13 Закона об энергосбережении граждане — собственники помещений в многоквартирном доме оплачивают расходы по установке общедомовых приборов учета равными долями в течение пяти лет с даты их установки, если ими не выражено намерения оплатить такие расходы единовременно или с меньшим периодом рассрочки.

Поскольку управляющая организация в отношениях по возмещению расходов на установку общедомового прибора учета является представителем собственников помещений и лишена возможности получать денежные средства на эти цели иначе, чем от указанных лиц, она не должна отвечать в большем объеме, чем совокупный объем денежных обязательств собственников помещений по возмещению расходов на день вынесения судебного решения.

В этом деле у судов не было оснований для удовлетворения иска в полном объеме, так как пятилетний срок с момента введения в эксплуатацию общедомового прибора учета не истек и в материалах дела отсутствуют доказательства, свидетельствующие о том, что собственники помещений приняли решение оплатить расходы единовременно или с меньшим периодом рассрочки.

Определение № 310-ЭС15-912

3. В случае, если к договору аренды земельного участка подлежит применению регулируемая арендная плата, порядок определения ее размера, утвержденный

нормативным правовым актом уполномоченного органа, применяется для таких договоров с момента вступления в силу данного акта, даже если в момент заключения договора аренды такой порядок еще не был установлен. Утвержденные постановлением Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582 Правила определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы подлежат применению только при передаче в аренду земель, находящихся в собственности Российской Федерации.

В 2006 году администрацией муниципального образования (арендодатель) и обществом (арендатор) заключен договор аренды земельного участка из земель, государственная собственность на которые не разграничена, с целью строительства.

Ссылаясь на ненадлежащее исполнение арендатором обязанности по уплате арендной платы, администрация обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании задолженности, образовавшейся в 2013 году.

Размер платы был определен истцом на основании методики исчисления арендной платы за расположенные на территории субъекта Российской Федерации земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, утвержденной нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации. При этом формула расчета предусматривала умножение кадастровой стоимости участка на ряд коэффициентов, в том числе коэффициент индексации и коэффициент, установленный для случаев, когда объекты недвижимости не введены в эксплуатацию по истечении трех лет с даты заключения договора аренды земельного участка.

Отказывая в удовлетворении иска в части, суды признали необоснованным расчет платы с учетом коэффициента индексации, применив к спорным правоотношениям п. 9 Правил определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы из земель, находящихся в собственности Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582, согласно которому при расчете арендной платы на основании кадастровой стоимости в тех случаях, когда утверждена новая кадастровая стоимость, применяемая с 1 января следующего года, индексация размера платы на коэффициент уровня инфляции при расчете платы за этот год не проводится.

Суды также исключили из расчета коэффициент, увеличивающий размер арендной платы при нарушении трехлетнего срока введения объекта недвижимости в эксплуатацию, поскольку этот коэффициент был введен в формулу расчета нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации с 1 января 2013 г., посчитав, что по правилам ст. 4 ГК РФ указанный нормативный акт не распространяется на договоры, заключенные до его принятия.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

С учетом того, что спорный договор аренды был заключен после вступления в силу Земельного кодекса РФ, п. 3 ст. 65 которого предусматривает государственное регулирование размера арендной платы за земельные участки, находящиеся в публичной собственности, к нему подлежит применению порядок определения размера арендной платы, установленный уполномоченным органом субъекта Российской Федерации,

даже если в момент его заключения такой порядок еще не был установлен. Изменения регулируемой арендной платы, в том числе изменение формулы расчета путем введения нового коэффициента, применяются к отношениям, возникшим после таких изменений. Арендодатель по договору, к которому подлежит применению регулируемая арендная плата, вправе требовать ее внесения в размере, установленном на соответствующий период регулирующим органом без дополнительного изменения договора аренды.

Таким образом, изменение методики определения регулируемой арендной платы путем введения с 1 января 2013 г. нормативным актом субъекта нового коэффициента подлежит применению к спорному договору с момента вступления в силу этого акта и не требует заключения сторонами дополнительного соглашения.

Судебная коллегия также признала неправомерным применение к спорным правоотношениям п. 9 постановления Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582, поскольку в силу прямого указания закона (действовавших до 1 марта 2015 г. положений п. 3 ст. 65 Земельного кодекса РФ и п. 10 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации”), а также положений самого постановления Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582 утвержденных им Правила определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы подлежат применению только при расчете платы за аренду земель, находящихся в собственности Российской Федерации, и не применяются в отношении земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена.

С учетом того, что коэффициент индексации включен в формулу расчета арендной платы нормативным правовым актом уполномоченного публичного органа субъекта Российской Федерации, не признанным в данной части недействующим путем опосредования в установленном законом порядке, у судов не имелось оснований для исключения его при расчете размера платы.

Определение № 306-ЭС14-6558

II. Процессуальные вопросы

4. Если из обстоятельств дела следует, что заявление ответчика об оставлении иска без рассмотрения в связи с несоблюдением истцом досудебного порядка урегулирования спора направлено на необоснованное затягивание разрешения возникшего спора, суд на основании ч. 5 ст. 159 АПК РФ отказывает в его удовлетворении.

Общество (заказчик) обратилось в суд с иском к компании (подрядчику) о взыскании сумм неотработанного аванса по нескольким договорам подряда.

Определением суда от 29 марта 2012 г. иск принят к производству.

Впоследствии компания обратилась в суд с несколькими ходатайствами о выделении в отдельное производство требований по разным договорам подряда и об объединении требований по данному делу с требованиями по другому делу по иску общества к компании, о проведении дополнительных экспертиз, предъявила встречный иск к обществу о взыскании задолженности за выполненные работы, представила проект мирового соглашения, которое не было заключено. В связи с разрешением указанных процессуальных вопросов рассмотрение дела по существу неоднократно откладывалось.

В судебном заседании 27 ноября 2013 г. компания заявила о необходимости оставления иска общества без рассмотрения в связи с несоблюдением истцом досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного договорами подряда.

Определением суда первой инстанции заявление компании удовлетворено в связи с непредставлением истцом доказательств, свидетельствующих о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора, встречный иск также оставлен без рассмотрения по тому же основанию.

Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции в части оставления первоначального иска без рассмотрения отменено, вопрос в указанной части отправлен на новое рассмотрение. В остальной части определение суда первой инстанции оставлено без изменения. Суд апелляционной инстанции исходил из того, что настоящий иск рассматривался в суде первой инстанции с марта 2012 г., компания не возражала против рассмотрения дела, представляя суду свои доводы по существу спора и активно реализуя свои процессуальные права. До начала судебного разбирательства компания не заявила о несоблюдении истцом претензионного порядка урегулирования спора и не обосновала невозможность своевременного оформления ходатайства об оставлении требований истца без рассмотрения по уважительным причинам.

Арбитражный суд округа своим постановлением отменил постановление суда апелляционной инстанции, дело направил на новое рассмотрение. Арбитражный суд округа отметил, что суд апелляционной инстанции не опроверг выводы суда первой инстанции и не обосновал отмену определения суда первой инстанции в части требований истца, оставляя это же определение без изменения в части встречных исковых требований ответчика.

При новом рассмотрении дела постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами судов нижестоящих инстанций о том, что несоблюдение претензионного порядка урегулирования спора является безусловным основанием для оставления иска без рассмотрения.

Частью 5 ст. 159 АПК РФ предусмотрено, что арбитражный суд вправе отказать в удовлетворении заявления или ходатайства в случае, если они не были своевременно поданы лицом, участвующим в деле, вследствие злоупотребления своим процессуальным правом и явно направлены на срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта, за исключением случая, если заявитель не имел возможности подать такое заявление или такое ходатайство ранее по объективным причинам.

По смыслу п. 8 ч. 2 ст. 125, ч. 7 ст. 126, п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ претензионный порядок урегулирования спора в судебной практике рассматривается в качестве способа, позволяющего добровольно без дополнительных расходов на уплату госпошлины со значительным сокращением времени восстановить нарушенные права и законные интересы. Такой порядок урегулирования спора направлен на его оперативное разрешение и служит дополнительной гарантией защиты прав.

Из поведения ответчика не усматривалось намерения добровольно и оперативно урегулировать

вать возникший спор во внесудебном порядке, поэтому оставление иска без рассмотрения привело к необоснованному затягиванию разрешения возникшего спора и ущемлению прав одной из его сторон.

Однако поскольку Судебной коллегией установлено, что 12 января 2015 г. суд первой инстанции принял исковое заявление общества к компании о том же предмете и по тем же основаниям, а следовательно, судебная защита нарушенных прав и законных интересов общества возможна в ином порядке, Судебная коллегия оставила указанные судебные акты без изменения.

Определение № 306-ЭС15-1364

5. Для лиц, привлеченных к участию в деле судом первой инстанции, срок подачи апелляционной жалобы в любом случае не может быть восстановлен по истечении шести месяцев со дня принятия решения суда первой инстанции.

Если после удовлетворения ходатайства о восстановлении пропущенного срока будет установлено отсутствие оснований для восстановления, суд апелляционной инстанции либо суд кассационной инстанции прекращает производство по апелляционной жалобе.

Комитет по управлению имуществом муниципального образования (далее — комитет) обратился в арбитражный суд с иском к кооперативу о взыскании задолженности по арендной плате.

Решением суда первой инстанции от 27 сентября 2013 г. исковые требования удовлетворены.

6 мая 2014 г. кооператив подал апелляционную жалобу с ходатайством о восстановлении пропущенного срока на обжалование.

Суд апелляционной инстанции определением от 13 мая 2015 г. удовлетворил ходатайство кооператива о восстановлении пропущенного срока, поскольку признал причины пропуска срока уважительными.

В отзыве на апелляционную жалобу комитет указал на то, что производство по делу подлежит прекращению, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 259 АПК РФ срок на обжалование не может быть восстановлен по истечении шести месяцев с момента принятия решения.

Постановлением суда апелляционной инстанции от 17 июля 2014 г. решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано.

Арбитражный суд округа постановлением от 10 ноября 2014 г. постановление суда апелляционной инстанции оставил без изменения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и прекратила производство по апелляционной жалобе кооператива по следующим основаниям.

Положения ч. 2 ст. 259 АПК РФ не предусматривают возможности восстановления пропущенного срока на обжалование, если ходатайство подано за пределами шестимесячного пресекательного срока, даже при наличии уважительных причин.

Действующее процессуальное законодательство не допускает произвольный, неограниченный по времени пересмотр судебных решений. Вводя сроки для обжалования, процессуальный закон устанавливает баланс между принципом правовой определенности, обеспечивающим стабильность правоотношений в сфере предпринимательской деятельности и иной экономической

деятельности, и правом на справедливое судебное разбирательство, предполагающим возможность исправления судебных ошибок.

Судом апелляционной инстанции нарушена указанная императивная норма, поскольку срок был восстановлен спустя 7 месяцев с момента принятия решения судом первой инстанции.

Системное толкование ст. 117, ч. 2 ст. 259, ч. 2 ст. 276 и ч. 2 ст. 291² АПК РФ предполагает, что компетентный суд должен оценить обоснованность доводов лица, заявившего ходатайство о восстановлении срока на обжалование как при разрешении ходатайства, так и после восстановления срока при последующем рассмотрении дела в соответствующей инстанции. Если впоследствии будет установлено отсутствие оснований для восстановления срока, производство по жалобе подлежит прекращению.

Следовательно, суд апелляционной инстанции с учетом доводов комитета в отзыве на апелляционную жалобу должен был вернуться к вопросу о восстановлении пропущенного срока и в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ прекратить производство по апелляционной жалобе.

Нарушив ст.ст. 188 и 286 АПК РФ, арбитражный суд округа пришел к ошибочному выводу, что восстановление срока на обжалование не относится к числу процессуальных действий суда, которые могут быть обжалованы.

Определение № 307-ЭС15-661

III. Практика рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных отношений

6. При отсутствии в таможенном законодательстве положений, устанавливающих срок на обращение в суд с требованием о возврате излишне уплаченных или излишне взысканных таможенных платежей и налогов, к указанному требованию применяется трехлетний срок исковой давности.

В августе 2012 г. таможенным органом при выпуске товара со счета общества списаны излишне таможенные платежи.

В ноябре 2013 г. общество обратилось в таможенный орган с заявлением о возврате излишне взысканных сумм таможенных платежей, в удовлетворении которого таможенным органом было отказано в связи с пропуском установленного ч. 2 ст. 148 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ “О таможенном регулировании в Российской Федерации” годичного срока на обращение.

Ссылаясь на наличие права возвратить излишне уплаченные таможенные платежи в судебном порядке в пределах общего трехлетнего срока исковой давности, общество обратилось в арбитражный суд с требованием к таможенному органу о возврате указанных денежных средств.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано. Суд исходил из того, что годичный срок, установленный ч. 2 ст. 148 вышеуказанного Закона, является сроком обращения с соответствующим требованием как в таможенный орган, так и в суд.

Постановлением суда апелляционной инстанции отменено решение суда первой инстанции и удовлетворены требования общества. Суд пришел к выводу о том, что к заявленному имущественному требованию не применяются специальные сроки, установленные таможенным законодательством, а по аналогии со ст.ст. 21, 28 НК РФ по имущественным требованиям преде-

лом судебной защиты является общий трехгодичный срок исковой давности.

Арбитражный суд округа своим постановлением отменил постановление суда апелляционной инстанции, оставил в силе решение суда первой инстанции. Суд указал на то, что установление таможенным законодательством специального срока для возврата излишне уплаченных таможенных платежей не нарушает каких-либо прав, поскольку для заинтересованных лиц не исключается возможность произвести их возврат в установленный законом срок.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа, постановление суда апелляционной инстанции оставила без изменения по следующим основаниям.

Федеральным законом "О таможенном регулировании в Российской Федерации" установлена административная процедура возврата таможенных платежей, налогов в случае их излишней уплаты (излишнего взыскания), а также уплаты в отсутствие законных оснований и предусмотрены сроки на реализацию лицами своих прав во внесудебной процедуре, т.е. путем обращения с соответствующим заявлением в таможенный орган.

Вместе с тем закрепление в ст.ст. 147 и 148 данного Закона сроков для возврата таможенных пошлин, налогов не препятствует лицу в случае пропуска указанных сроков обратиться в суд с иском о возврате из бюджета излишне уплаченной суммы в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства.

В этом случае в отсутствие в таможенном законодательстве положений, устанавливающих срок на обращение в суд с требованием о возврате излишне уплаченных или излишне взысканных таможенных платежей и налогов, такое требование подлежит рассмотрению с применением общих правил исчисления срока исковой давности (п. 1 ст. 200 ГК РФ) и продолжительности срока исковой давности в три года (ст. 196 ГК РФ).

Определение № 310-КГ14-8046

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Назначение наказания

1. Совершение преступления организованной группой является квалифицирующим признаком преступления и в соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ не может повторно учитываться при назначении наказания. Непризнание подсудимым своей вины не предусмотрено законом в качестве отягчающего наказания обстоятельства, и ссылка на это обстоятельство является нарушением закона.

Согласно приговору Р. (ранее судимый) осужден по ч. 3 ст. 30, пп. "а", "г" ч. 3 ст. 228¹ УК РФ, т.е. за покушение на незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере, организованной группой.

Решая вопрос о наказании, суд сослался как на отягчающие обстоятельства на то, что Р. вину не признал и преступление совершил в составе организованной группы.

Между тем согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Кроме того, непризнание подсудимым своей вины не предусмотрено законом в качестве отяг-

чающего наказание обстоятельства и поэтому не может учитываться при его назначении в качестве такового.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ исключила из приговора указания на совершение Р. преступления организованной группой и непризнание им своей вины как на обстоятельства, отягчающие наказание.

Определение № 20-УД15-1

2. Один лишь факт признания лицом своей вины не может расцениваться в качестве смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. "и" ч. 1 ст. 61 УК РФ. Активное способствование расследованию преступления состоит в активных действиях виновного, направленных на сотрудничество с органами следствия и совершенных добровольно, а не под давлением имеющихся улик.

По приговору суда К. осужден по пп. "а", "б", "л" ч. 2 ст. 105 УК РФ к восемнадцати годам лишения свободы, по пп. "в", "е" ч. 2 ст. 111 УК РФ к шести годам лишения свободы, по п. "а" ч. 2 ст. 282 УК РФ к трем годам лишения свободы и по другим статьям Уголовного кодекса РФ. На основании чч. 3 и 4 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено наказание в виде лишения свободы на срок двадцать четыре года.

В апелляционном представлении государственного обвинителя просил изменить приговор ввиду чрезмерной мягкости назначенного К. наказания, полагая, что судом первой инстанции незаконно учтено в качестве смягчающих обстоятельств признание обвиняемым вины на досудебной стадии и активное способствование расследованию преступлений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор, мотивировала свое решение следующим.

Как следует из приговора, признавая в соответствии с п. "и" ч. 1 и ч. 2 ст. 61 УК РФ смягчающими наказание К. обстоятельствами признание вины на досудебной стадии и активное способствование расследованию преступлений, суд исходил из того, что на начальном этапе предварительного следствия К. заявил о признании своей вины в содеянном и при даче показаний, изложенных в приговоре в качестве доказательств его виновности, добровольно не только рассказал о деталях своих преступных действий, но и объяснил причины, мотивы их совершения, сообщил другие значимые для уголовного дела обстоятельства, что содействовало его расследованию и способствовало соответствующей юридической оценке деяний подсудимого.

Однако с таким выводом суда первой инстанции нельзя согласиться.

По смыслу закона, активное способствование расследованию преступления состоит в активных действиях виновного, направленных на сотрудничество с органами следствия, и может выражаться в том, что он представляет указанным органам информацию об обстоятельствах совершения преступления, дает правдивые и полные показания, способствующие расследованию, представляет органам следствия информацию, до того им неизвестную. При этом данные действия должны быть совершены добровольно, а не под давлением имеющихся улик, направлены на сотрудничество с правоохранительными органами.

По настоящему делу таких обстоятельств не имеется.

Судом первой инстанции в приговоре не приведено убедительных мотивов, по которым он пришел к выводу о том, что К. именно активно, как того требует уголовный закон, способствовал расследованию преступлений.

Как установлено в приговоре и следует из дела, преступления были совершены 9 февраля 2014 г. в 14 час. 20 мин.

Постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству было вынесено 9 февраля 2014 г. в 14 час. 50 мин. На этот момент уже была установлена личность К., и уголовное дело было возбуждено именно в отношении его. В 15 час. был начат осмотр места происшествия, в 16 час. 06 мин. произведена выемка видеорегистратора, который полностью запечатлел действия К. в храме.

К. был задержан на основании п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, предусматривающего, что лицо было застигнуто при совершении преступления или непосредственно после него.

При допросах в качестве подозреваемого К. признавал свою вину и давал показания о мотивах совершения им преступлений, заявив, что в содеянном не раскаивается, это его твердые убеждения. В дальнейшем К. также признал вину, подтвердил ранее данные показания, заявив, что больше не желает говорить, а затем отказался от пояснений.

Какие именно “другие значимые для уголовного дела обстоятельства” сообщил К., “что содействовало его расследованию и способствовало соответствующей юридической оценке деяний подсудимого”, судом в приговоре не указано.

Таким образом, с учетом того, что К. совершил преступление в условиях очевидности, был задержан на месте преступления и изобличен совокупностью доказательств: показаниями потерпевших и свидетелей — очевидцев преступления, записями видеорегистратора, файлами, хранившимися в ноутбук, — вывод суда о том, что он активно способствовал раскрытию преступления, не соответствует требованиям закона.

Вместе с тем при назначении К. наказания судом не в полной мере были учтены положения ст. 6 УК РФ.

К. совершил ряд преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких, с использованием оружия, в религиозном сооружении, в отношении значительного числа граждан, двоим из которых он причинил смерть, а двоим — тяжкий вред здоровью, в результате его действий были повреждены предметы религиозного культа, представляющие культурную ценность.

В силу изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что характер, степень общественной опасности и фактические обстоятельства совершенных К. преступлений, данные о личности К., убежденного в правильности своих действий, свидетельствуют о его исключительной опасности для общества.

Судебная коллегия исключила из приговора указание о признании в качестве смягчающего обстоятельства активного содействия К. расследованию преступлений и усилила ему наказание по пп. “а”, “б”, “л” ч. 2 ст. 105 УК РФ до пожизненного лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений окончательно к отбытию назначила К. пожизненное лишение свободы.

Определение № 64-АПУ15-6

III. Процессуальные вопросы

3. Поводом для возбуждения уголовного дела послужило сообщение о совершенном преступлении, поступившее на номер телефона органа полиции, что не противоречит положениям ст. 140 УПК РФ.

По приговору суда К. осужден по п. “б” ч. 4 ст. 132 УК РФ (в ред. Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 215-ФЗ), по п. “в” ч. 3 ст. 132 УК РФ (4 преступления) (в ред. Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ), по ч. 3 ст. 30 и п. “б” ч. 4 ст. 132 УК РФ (в ред. Федерального закона от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ).

Согласно приговору К. в период с 1 ноября 2006 г. по 31 марта 2010 г. совершил насильственные действия сексуального характера в отношении потерпевшего Г. (1998 года рождения).

В апелляционных жалобах осужденный К. и его адвокаты просили об отмене приговора, указывая, что уголовное дело возбуждено с нарушением закона, поскольку рапорт следователя не мог служить основанием для возбуждения уголовного дела и в силу этого все доказательства, полученные в ходе расследования, являются недопустимыми.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, а апелляционные жалобы без удовлетворения, мотивировав свое решение следующим.

В соответствии с положениями ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела служат заявление о преступлении, сообщение о нем и другие обстоятельства.

Согласно материалам уголовного дела поводом для возбуждения уголовного дела 29 января 2014 г., как это усматривается из рапорта следователя, послужило сообщение гражданки Х. по “телефону доверия” Управления МВД России 22 января 2014 г. о совершенном К. преступлении в отношении потерпевшего.

Из протокола допроса свидетеля Х., показания которой оглашены с согласия сторон, следует, что А. рассказала ей о совершении осужденным в отношении потерпевшего действий сексуального характера. Данные сведения она сообщила в Управление внутренних дел города.

Таким образом, при возбуждении уголовного дела в отношении К. нарушений уголовно-процессуального закона не допущено.

Определение № 48-АПУ15-9

4. В случае устранения обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, и при наличии ходатайства осужденного приговор, вынесенный заочно, подлежит отмене и судебное разбирательство проводится в обычном порядке.

По приговору суда от 3 июля 2012 г. К. осуждена по ч. 3 ст. 33, ч. 4 ст. 159 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), по ч. 4 ст. 159 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) и по ч. 2 ст. 210 УК РФ.

Судебное разбирательство по уголовному делу в отношении К. проведено в отсутствие подсудимой на основании ч. 5 ст. 247 УПК РФ.

В кассационной жалобе осужденная К. просила об отмене приговора, поскольку он был постановлен в ее отсутствие.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор, а дело направила на новое судебное рассмотрение в тот же суд иным составом суда.

Судебная коллегия мотивировала свое решение следующим.

В соответствии с чч. 5 и 7 ст. 247 УПК РФ в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу.

В случае устранения обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, приговор или определение суда, вынесенные заочно, по ходатайству осужденного или его защитника отменяются в порядке, предусмотренном главой 48 УПК РФ. Судебное разбирательство в таком случае проводится в обычном порядке.

Из материалов уголовного дела усматривается, что в связи с тем, что подсудимая К., обвинявшаяся в совершении тяжких преступлений, нарушила ранее избранную ей меру пресечения в виде подписки о невыезде и скрылась от суда; постановлением суда от 5 марта 2008 г. уголовное дело в отношении К. было выделено в отдельное производство.

27 марта 2012 г. постановлением суда возобновлено производство по уголовному делу в отношении К. и назначено предварительное слушание на 9 апреля 2012 г.

Постановлением суда от 9 апреля 2012 г., вынесенным по итогам предварительного слушания, уголовное дело по обвинению К. было назначено к слушанию на 19 апреля 2012 г. Судебное разбирательство по уголовному делу в отношении К., обвинявшейся в совершении тяжких преступлений, проведено в отсутствие подсудимой на основании ч. 5 ст. 247 УПК РФ в связи с ее уклонением от явки в суд.

30 ноября 2012 г. К. была задержана на территории Греческой Республики и в настоящее время отбывает наказание в исправительной колонии УФСИН России по Республике Мордовия.

Исходя из положений ч. 7 ст. 247 УПК РФ приговор, вынесенный в отношении лица заочно, отменяется по ходатайству осужденного или его защитника в том случае, если такое лицо в результате розыска задержано либо прекратило скрываться и добровольно явилось в суд.

Согласно ч. 2 ст. 401¹⁵ УПК РФ устранение обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, при наличии ходатайства осужденного является основанием отмены приговора при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке.

Определение № 19-УД15-18

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Факт расходования денежных средств в налоговом периоде сам по себе не подтверждает получение в этом же периоде дохода, облагаемого налогом на доходы физических лиц, в сумме, равной израсходованным средствам.

Налоговый орган обратился в суд с заявлением о взыскании с Д. недоимки и пени по налогу на доходы физических лиц.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявление налогового органа удовлетворено.

Суд исходил из того, что Д. получил за 2013 год лишь доход от продажи автомобиля и пенсию по инвалидности. Приобретение им в этом же году автомобиля стоимостью свыше

1 млн. рублей свидетельствует о получении иного дохода, с которого подлежит уплате налог на доходы физического лица, а также пеня в связи с его неуплатой. Непредставление налоговой декларацией об указанном доходе является основанием для исчисления налоговым органом дохода Д. расчетным путем в соответствии с положениями ст. 31 НК РФ. Кроме того, Д. не представил доказательства, подтверждающие приобретение автомобиля на денежные средства членов его семьи, от продажи продуктов подсобного хозяйства и заемных денежных средств.

С таким выводом согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ обжалуемые судебные акты отменила и вынесла новое решение об отказе в удовлетворении заявления налогового органа по следующим основаниям.

В соответствии с положениями ст.ст. 208 и 209 НК РФ объектом налогообложения налога на доходы физических лиц, являющихся налоговыми резидентами Российской Федерации, признается доход, полученный налогоплательщиками от источников в Российской Федерации и (или) от источников за пределами Российской Федерации.

Как следует из ст. 41 названного Кодекса, доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в какой такую выгоду можно оценить, и определяемая в соответствии с главами “Налог на доходы физических лиц” и “Налог на прибыль организаций” данного Кодекса.

Согласно п. 6 ст. 108 НК РФ лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать свою невиновность в совершении налогового правонарушения. Обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы. Неустраняемые сомнения в виновности лица, привлекаемого к ответственности, толкуются в пользу этого лица.

В силу п. 3 ст. 108 НК РФ основанием для привлечения лица к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах является установление факта совершения данного нарушения решением налогового органа, вступившим в силу.

Таким образом, приобретение налогоплательщиком в налоговом периоде имущества подтверждает лишь то, что налогоплательщиком в этом периоде понесены расходы на его приобретение. Факт расходования денежных средств в налоговом периоде сам по себе не подтверждает получение в этом же периоде дохода, облагаемого налогом на доходы физических лиц, в сумме, равной израсходованным средствам.

Следовательно, сумма израсходованных Д. в 2013 году на приобретение автомобиля денежных средств не может рассматриваться в качестве объекта налогообложения по налогу на доходы физических лиц.

Доказательства, подтверждающие факт получения Д. помимо пенсии и задекларированного им дохода от продажи автомобиля каких-либо иных доходов, облагаемых налогом на доходы физических лиц, налоговый орган в суд не представил.

В силу подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ налоговые органы вправе определять суммы налогов, подлежащие уплате налогоплательщиками в бюджетную систему Российской Федерации, расчетным путем на основании имеющейся у них информации о налогоплательщике, а также данных об иных аналогичных налогоплательщиках в случаях отказа налогоплательщика допустить должностных лиц налогового органа к осмотру производственных, складских, торговых и иных помещений и территорий, используемых налогоплательщиком для извлечения дохода либо связанных с содержанием объектов налогообложения, непредставления в течение более двух месяцев налоговому органу необходимых для расчета налогов документов, отсутствия учета доходов и расходов, учета объектов налогообложения, ведения учета с нарушением установленного порядка, приведшего к невозможности исчислить налоги, или непредставления налогоплательщиком — иностранной организацией, не осуществляющей деятельность на территории Российской Федерации через постоянное представительство, налоговой декларации по налогу на имущество организаций.

Вместе с тем названные в данной норме основания для определения суммы налога расчетным путем ни в заявлении налогового органа при обращении в суд, ни в решении суда об удовлетворении заявления не указаны.

Кроме того, налоговым органом фактически была проведена проверка соблюдения законодательства о налогах и сборах, по результатам которой должен быть составлен акт проверки, подлежащий рассмотрению руководителем (заместителем руководителя) налогового органа, проводившего проверку, с вынесением соответствующего решения.

Между тем акт проверки и решение должностными лицами налогового органа суду представлены не были, данных, свидетельствующих о том, что такие документы принимались, в материалах дела не имеется.

Таким образом, налоговым органом допущено нарушение процедуры взыскания недоимки и пени, включающей в том числе обжалование принятых по результатам проверки решений.

Учитывая, что судами допущены ошибки в применении и толковании норм материального права, которые повлияли на исход рассмотрения дела, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила обжалуемые судебные акты и приняла новое решение — об отказе в удовлетворении заявления налогового органа.

Определение № 57-КГ15-8

2. Не подлежат регистрации в Госавтоинспекции и не производятся регистрационные действия с транспортными средствами, имеющими скрытую, поддельную, измененную или уничтоженную идентификационную маркировку, а также транспортными средствами, изготовленными в том числе из составных частей конструкций, предметов дополнительного оборудования, запасных частей и принадлежностей, без представления документов, подтверждающих проведение их сертификации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

К. является собственником автомобиля марки ГАЗ (грузовой фургон цельнометаллический) 2011 года выпуска. Данный автомобиль при его эксплуатации был поврежден в результате дорожно-транспортного происшествия, и К. было принято решение о замене кузова. Для этой цели

он приобрел кузов автомобиля ГАЗ 2705 “Газель” 2013 года выпуска, который был заменен индивидуальным предпринимателем, имеющим сертификат соответствия на услуги по техническому обслуживанию и ремонту автотранспортных средств.

К. обратился в уполномоченный орган с заявлением о совершении регистрационных действий в связи с изменением регистрационных данных, не связанных с изменением конструкции, однако ему было отказано со ссылкой на то, что не подлежат регистрации в Госавтоинспекции и не производятся регистрационные действия с транспортными средствами, имеющими скрытую, поддельную, измененную или уничтоженную идентификационную маркировку. Указано на невозможность идентифицировать первоначальное транспортное средство, указанное в ПТС и регистрационных документах, так как автомобиль утратил основные элементы базового транспортного средства и получил технические характеристики, схожие с другим транспортным средством, имеющим иной идентификационный номер и иную маркировку кузова.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, удовлетворено заявление К. о признании незаконными действий уполномоченного органа, выразившихся в аннулировании регистрации автомобиля, введении карточки учета в АБД “Ограничение”, введении регистрационных знаков, свидетельства о регистрации и ПТС в АБД “Розыск”, а также решения об отказе в совершении регистрационных действий.

Суды исходили из того, что оспариваемые действия препятствуют осуществлению К. правомочий собственника, поскольку замена кузова транспортного средства на аналогичный не является самостоятельной сборкой транспортного средства и относится к капитальному ремонту; внесение изменений в конструкцию транспортного средства не производилось, единичное транспортное средство не создавалось.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ указанные судебные акты отменила и вынесла новое решение об отказе в удовлетворении заявления К. по следующим основаниям.

Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ “О безопасности дорожного движения” определены правовые основы обеспечения безопасности дорожного движения.

В соответствии с п. 3 ст. 15 данного Закона допуск транспортных средств, предназначенных для участия в дорожном движении на территории Российской Федерации, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации путем регистрации транспортных средств и выдачи соответствующих документов. Регистрация транспортных средств без документа, удостоверяющего его соответствие установленным требованиям безопасности дорожного движения, запрещается.

Таким документом является паспорт транспортного средства, подтверждающий техническую безопасность автомобиля, номерные обозначения узлов и агрегатов которого указаны в этом паспорте.

Порядок регистрации автотранспортных средств в органах ГИБДД установлен Правилами регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России, утвержденными приказом МВД России от 24 ноября 2008 г. № 1001 (далее — Правила).

В соответствии с п. 3 Правил не подлежат регистрации в Госавтоинспекции и не принимаются к производству регистрационных действий транспортные средства, изготовленные в Российской Федерации, в том числе из составных частей конструкций, предметов дополнительного оборудования, запасных частей и принадлежностей, или ввозимые на ее территорию сроком более чем на шесть месяцев, без представления документов, подтверждающих проведение их сертификации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Согласно п. 51 приложения № 1 к приказу при установлении органом внутренних дел, проводящим проверку, обстоятельств, указанных в п. 3 Правил, регистрация транспортного средства прекращается (аннулируется) регистрационным подразделением по месту регистрации транспортного средства.

Транспортные средства, как правило, имеют несущий кузов или рамную конструкцию, где кузов или рама являются основным элементом базового транспортного средства, соответствие которого требованиям безопасности подтверждается выданным на него паспортом транспортного средства. В результате замены кузова автомобиль утрачивает основные элементы базового транспортного средства, допущенного к участию в дорожном движении, и фактически получает технические характеристики, схожие с другим транспортным средством.

Соответствие идентификационной маркировки транспортного средства представленным документам устанавливается сотрудником Госавтоинспекции при проведении визуального осмотра транспортного средства в процессе производства регистрационного действия в соответствии с требованиями пп. 39—41 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним, утвержденного приказом МВД России от 7 августа 2013 г. № 605.

Таким образом, кузов автомобиля является основным элементом транспортного средства, на котором нанесен его уникальный идентификационный номер, указываемый в документах на транспортное средство. Приобретение лицом права на транспортное средство не порождает обязанность органов ГИБДД допустить данное транспортное средство к участию в дорожном движении и зарегистрировать его при наличии обстоятельств, препятствующих регистрации транспортных средств.

Поскольку такие обстоятельства в данном случае были установлены, у уполномоченного органа имелись основания для отказа в регистрации принадлежащего К. транспортного средства.

Определение № 19-КГ15-3

3. Решение о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар в недобровольном порядке принимается исключительно судом.

Территориальным органом Росздравнадзора в ходе внеплановой выездной проверки соблюдения областным наркологическим диспансером законодательства выявлены нарушения Порядка оказания медицинской помощи по профилю “Наркология”, утвержденного приказом Минздрава России от 15 ноября 2012 г. № 929н (далее — Порядок оказания медицинской помощи по профилю “Наркология”), в части штатного

обеспечения и материально-технического оснащения, а также Порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации, утвержденного приказом Минздравсоцразвития России от 5 мая 2012 г. № 502н (далее — Порядок создания и деятельности врачебной комиссии), поскольку приказом главного врача областного наркологического диспансера на врачебную комиссию стационара возложена функция принятия решения о недобровольной госпитализации больного в стационар в соответствии со ст. 29 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании” (далее — Закон о психиатрической помощи). Проверкой установлено, что больные алкоголизмом (наркоманией, токсикоманией) помещались в стационар в принудительном порядке без судебного решения на длительное время.

Не согласившись с результатами проверки, областной наркологический диспансер обратился в суд.

Решением районного суда заявление об оспаривании акта проверки и предписания территориального органа Росздравнадзора удовлетворено частично. Признаны незаконными акт проверки и предписание в части указания на то, что в нарушение п. 4 Порядка создания и деятельности врачебной комиссии врачебная комиссия областного наркологического диспансера принимает решение о недобровольной госпитализации пациентов.

При этом суд исходил из того, что принудительная госпитализация лиц, страдающих тяжелыми расстройствами, вызванными употреблением психоактивных веществ, соответствует конституционным целям ограничения прав и свобод граждан, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку в настоящее время процедура госпитализации в наркологический диспансер больного наркоманией (алкоголизмом, токсикоманией) без его согласия законом не урегулирована. Процедура обращения в суд с соответствующим заявлением для получения судебного решения о принудительной госпитализации требует времени и не может применяться для больных наркоманией (алкоголизмом, токсикоманией), поскольку, как правило, таким лицам требуется немедленное оказание медицинской помощи со стороны врачей-наркологов. В связи с этим принудительная госпитализация больных наркоманией и алкоголизмом по решению врачебной комиссии без получения судебного решения является разумной и законной.

Соглашаясь с такими выводами, суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменил, признал незаконными акт проверки и предписание в части указания на то, что Порядок оказания медицинской помощи по профилю “Наркология” областным наркологическим диспансером не соблюдается применительно к штатному обеспечению и материально-техническому оснащению. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Статья 41 Конституции Российской Федерации гарантирует право на охрану здоровья и медицинскую помощь, что предполагает не только обязанность лечебных учреждений оказывать медицинскую помощь при обращении за ней, но и право граждан свободно принимать решение об

обращении за медицинской помощью и о прохождении курса лечения. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в определенных случаях, установленных федеральным законом (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации). Одним из таких случаев является наличие у лица тяжелого психического расстройства, представляющего непосредственную опасность для окружающих.

В силу ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” медицинское вмешательство без согласия гражданина, одного из родителей или законного представителя допускается судом в отношении лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами, в случаях и в порядке, которые установлены законодательством Российской Федерации.

Статьей 29 Закона о психиатрической помощи определено, что лицо, страдающее психическим расстройством, может быть недобровольно (принудительно) госпитализировано в психиатрический стационар до постановления суда, если его психиатрическое обследование или лечение возможны только в стационарных условиях, а психическое расстройство является тяжелым и обуславливает его непосредственную опасность для себя или окружающих, или его беспомощность, т.е. неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи.

В соответствии с ч. 1 ст. 33 Закона о психиатрической помощи вопрос о госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке по основаниям, предусмотренным ст. 29 данного Закона, решается в суде по месту нахождения медицинской организации.

Часть 2 названной статьи Закона предусматривает, что заявление о госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке подается в суд представителем медицинской организации, в которой находится лицо. К заявлению, в котором должны быть указаны предусмотренные законом основания для госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, прилагается мотивированное заключение комиссии врачей-психиатров о необходимости дальнейшего пребывания лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Решение о принудительной госпитализации больного в психиатрический стационар в недобровольном порядке принимается исключительно судом (ст.ст. 33—35 Закона о психиатрической помощи, ст.ст. 274—280 Кодекса административного судопроизводства РФ).

Статья 54 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ “О наркотических средствах и психотропных веществах” не устанавливает иной порядок и не предоставляет основания для принудительной госпитализации названных лиц без судебного решения.

Согласно п. 13 Порядка оказания медицинской помощи по профилю “Наркология” бригада скорой медицинской помощи доставляет пациентов с признаками тяжелой интоксикации или

психотических расстройств в медицинские организации, оказывающие круглосуточную помощь по профилям “анестезиология и реанимация”, “токсикология”, “психиатрия” и “наркология”.

Таким образом, действующее законодательство не предусматривает возможности недобровольной госпитализации граждан, страдающих синдромом зависимости от алкоголя, наркотических или токсических средств. Сами по себе такие заболевания, как алкоголизм, наркомания и токсикомания, к категории тяжелых психических расстройств не относятся и не могут служить основанием для принудительной госпитализации. Больные алкоголизмом (наркоманией, токсикоманией) подлежат недобровольной госпитализации только при наличии тяжелого психического расстройства, а не в связи с их нуждаемостью в лечении как таковом.

Недобровольная госпитализация гражданина, страдающего психическим расстройством, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, возможна только по решению суда и в случаях, предусмотренных ст. 29 Закона о психиатрической помощи, но не на основании решения врачебной комиссии, которая лишь представляет в суд мотивированное и надлежащим образом оформленное заключение о необходимости пребывания гражданина в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Определение № 46-КГ15-17

Практика применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

4. Размер административного штрафа, назначенного в порядке ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, исчисляется исходя из суммы неуплаченного административного штрафа и не может превышать его двукратную величину.

Вступившим в законную силу постановлением должностного лица Управления Федеральной миграционной службы России по Ростовской области от 7 февраля 2014 г. юридическое лицо (общество) признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 18.9 КоАП РФ, с назначением административного наказания в виде административного штрафа в размере 400 тыс. рублей.

В установленный срок данный административный штраф обществом не уплачен, отсрочка или рассрочка не предоставлялась, в связи с чем принятыми по настоящему делу постановлением мирового судьи от 26 января 2015 г., оставленным без изменения решением судьи районного суда от 11 марта 2015 г. и постановлением заместителя председателя областного суда от 4 июня 2015 г., общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию в виде административного штрафа в размере 800 тыс. рублей.

В ходе рассмотрения дела по жалобе, поданной законным представителем общества, в Верховном Суде РФ установлено, что общество обоснованно привлечено мировым судьей к административной ответственности, установленной ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, вместе с тем судья Верховного Суда РФ усмотрел основания для изменения состоявшихся по делу судебных актов в части назначенного обществу административного наказания.

В указанной жалобе общество ссылалось на то, что постановлением судьи Верховного Суда РФ по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 18.9 КоАП РФ, размер назначенного обществу административного штрафа, за неуплату которого в отношении общества было возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, снижен с 400 тыс. рублей до 200 тыс. рублей.

В нарушение требований ст.ст. 24.1 и 26.1 КоАП РФ данные доводы общества не получили надлежащей оценки судебных инстанций.

Между тем размер административного штрафа, назначенного в порядке ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, исчисляется исходя из суммы неуплаченного административного штрафа и не может превышать его двукратную величину.

В рассматриваемом случае с учетом изменений, внесенных постановлением судьи Верховного Суда РФ по другому делу в постановление должностного лица Управления Федеральной миграционной службы России по Ростовской области от 7 февраля 2014 г., неуплаченный обществом административный штраф составляет 200 тыс. рублей.

При таких обстоятельствах судебные акты, вынесенные в отношении общества по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, были изменены путем снижения назначенного обществу наказания в виде административного штрафа до 400 тыс. рублей.

Постановление № 41-АД15-0

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По гражданским делам

1. Опоздание заявителя из отпуска, обусловленное его личной недисциплинированностью, обоснованно расценено командованием как невыполнение военнослужащим условий контракта о прохождении военной службы.

Решением Хабаровского гарнизонного военного суда от 2 июля 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 16 сентября 2014 г., удовлетворено заявление Д. в той части, в какой он просил признать незаконными приказ командира воинской части от 14 марта 2014 г. в части объявления заявителю дисциплинарного взыскания в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта и приказ от 25 марта 2014 г. в части его досрочного увольнения с военной службы и исключения из списков личного состава части.

В кассационной жалобе временно исполняющий должность командира воинской части указывал на отсутствие заявителя в течение суток на службе в связи с опозданием из отпуска, что является грубым дисциплинарным проступком, ставил вопрос об отмене судебных постановлений и принятии по делу нового решения — об отказе в удовлетворении заявления в полном объеме.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ жалобу удовлетворила, указав на существенное нарушение судами норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Д. несвоевременно, с опозданием на одни сутки, прибыл из первой части ежегодного основного отпуска за 2014 год, в связи с чем приказом от 14 марта 2014 г.

ему объявлено дисциплинарное взыскание в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта, после чего приказом от 25 марта 2014 г. он был уволен в запас по названному основанию.

В обоснование правомерности требований заявителя суд первой инстанции в решении указал, что командование, которому было известно о проведении заявителем отпуска за пределами места дислокации воинской части, в нарушение требований закона не предоставило ему дополнительные сутки, необходимые для проезда к месту проведения отпуска в г. Хабаровске и обратно, а при применении дисциплинарного взыскания не в полной мере соотнесло степень тяжести совершенного заявителем проступка с наложенным взысканием.

Соглашаясь с этими выводами, окружной военный суд также указал, что совершение Д. проступка было обусловлено действиями командования, которое указало в отпускном билете, что в случае проведения отпуска по месту дислокации части заявитель обязан вернуться к месту прохождения военной службы 12 марта 2014 г., чем тот был введен в заблуждение относительно срока явки в воинскую часть с учетом проведения отпуска в г. Хабаровске.

Между тем такие выводы не соответствуют материалам делам и основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что Д., общая продолжительность военной службы которого в 2014 году в льготном исчислении составляла менее 10 лет, проходил военную службу по контракту в воинской части, дислоцированной в рабочем поселке Эльбан Хабаровского края, который на основании приложения № 2 к постановлению Правительства РФ от 5 июня 2000 г. № 434 отнесен к местности, на территории которой военнослужащим увеличивается продолжительность ежегодного основного отпуска на 10 суток.

Следовательно, с учетом положений п. 5 ст. 11 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих”, согласно которым военнослужащим при общей продолжительности военной службы в льготном исчислении менее 10 лет продолжительность основного отпуска устанавливается в размере 30 суток, Д. в 2014 году имел право на отпуск в размере 40 суток.

Согласно п. 5 ст. 11 Федерального закона “О статусе военнослужащих” по просьбе военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, основной отпуск может быть предоставлен им по частям с предоставлением в этом случае времени, необходимого для проезда к месту использования отпуска и обратно, один раз.

Из материалов дела следует, что 10 февраля 2014 г. Д. обратился по команде с рапортом о предоставлении ему первой части ежегодного основного отпуска в количестве 25 суток, который был ему предоставлен по приказу командира воинской части от 17 февраля 2014 г. Поскольку заявитель в рапорте не просил об увеличении отпуска на количество суток, необходимое для проезда к месту его использования и обратно, в отпускном билете было указано, что сутки на дорогу заявителю не предоставляются, а дата возвращения из отпуска установлена 12 марта 2014 г. Между тем из отпуска он прибыл только 13 марта 2014 г., т.е. с опозданием на сутки.

Как пояснил в судебном заседании представитель командира воинской части, согласно графику на 2014 год основной отпуск заявителя планировался к предоставлению по частям: первая

часть количеством 25 суток и вторая часть — 15 суток, которую тот собирался провести с выездом за пределы Хабаровского края с предоставлением времени на дорогу.

Эти показания Д. в судебном заседании подтвердил, пояснив, что планировал использовать воинские перевозочные документы в другой раз, а в первую часть отпуска поехал на личном автомобиле. При этом он показал, что был осведомлен о том, что право на проезд в отпуск предоставляется только один раз.

Кроме того, из письменных объяснений заявителя, данных им в ходе служебного разбирательства, усматривается, что несвоевременное прибытие из отпуска он объяснил забывчивостью.

При таких данных материалами дела подтверждено, что Д. была предоставлена первая часть отпуска за 2014 год — 25 суток без предоставления времени, необходимого для проезда к месту использования отпуска и обратно, а опоздание из отпуска обусловлено не действиями командования, а личной недисциплинированностью заявителя.

В связи с этим вывод суда первой инстанции о нарушении прав заявителя на предоставление ему времени, необходимого для проезда к месту использования отпуска и обратно, не основан на законе и материалах дела.

Обоснованность привлечения Д. к дисциплинарной ответственности в виде досрочного увольнения с военной службы сомнений не вызывает.

Согласно п. 1 ст. 28⁵ Федерального закона “О статусе военнослужащих” при назначении дисциплинарного взыскания учитываются характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форма вины, личность военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок, обстоятельства, смягчающие дисциплинарную ответственность, и обстоятельства, отягчающие дисциплинарную ответственность.

При этом в соответствии со ст. 52 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, при совершении военнослужащим дисциплинарного проступка командир (начальник) должен учитывать, что применяемое взыскание как мера укрепления воинской дисциплины и воспитания военнослужащих должно соответствовать тяжести совершенного проступка и степени вины, установленным командиром (начальником) в результате проведенного разбирательства.

Из материалов дела следует, что основанием для досрочного увольнения Д. с военной службы явилось его опоздание из отпуска на одни сутки, что в соответствии с п. 2 ст. 28⁵ Федерального закона “О статусе военнослужащих”, ч. 3 ст. 32 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” по своему характеру относится к грубым дисциплинарным проступкам и указывает на нарушение заявителем условий контракта о прохождении военной службы, которые включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В суде установлено, что принятию решения о привлечении Д. к дисциплинарной ответственности предшествовало разбирательство, в ходе которого было установлено, что причиной опоздания заявителя из отпуска явилась его личная

недисциплинированность, обстоятельств, смягчающих его дисциплинарную ответственность, не выявлено. При этом исследовались характеризующие заявителя данные, согласно которым тот после истечения испытательного срока и назначения на вышестоящую должность изменил отношение к службе, стал допускать нарушения регламента служебного времени.

Из изложенного следует, что при применении к Д. дисциплинарного взыскания командир воинской части учел характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форму вины, личность заявителя, отсутствие обстоятельств, смягчающих дисциплинарную ответственность, как это предусмотрено законом.

При таких данных вывод судов первой и апелляционной инстанций о явном несоответствии примененного к Д. взыскания тяжести совершенного им проступка основан на неправильном толковании закона.

Таким образом, приказы командира воинской части в части объявления заявителю дисциплинарного взыскания в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта, досрочного увольнения с военной службы по указанному основанию и исключения в связи с этим из списков личного состава воинской части являются законными.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ решение Хабаровского гарнизонного военного суда от 2 июля 2014 г. и апелляционное определение Дальневосточного окружного военного суда от 16 сентября 2014 г. по заявлению Д. отменила в части удовлетворенных требований и приняла по делу новое решение, которым отказала Д. в удовлетворении заявления в указанной части.

Определение № 208-КГ15-5

2. Проживание военнослужащего в качестве члена семьи в жилом помещении по договору социального найма по установленным нормам указывает на отсутствие оснований для признания его нуждающимся в жилом помещении.

Решением Московского гарнизонного военного суда от 28 августа 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 11 декабря 2014 г., удовлетворено заявление Б. в той части, в какой она просила признать незаконным утвержденное начальником решение жилищной комиссии федерального казенного учреждения “Центр заказчика-застройщика внутренних войск МВД России” (далее — Центр заказчика-застройщика) от 21 июля 2014 г. об отказе в признании заявителя нуждающейся в жилом помещении в г. Москве, на жилищную комиссию возложена обязанность по повторному рассмотрению вопроса о признании заявителя нуждающейся в жилом помещении и в ее пользу с Центра заказчика-застройщика взысканы судебные расходы. В удовлетворении заявления в части возложения на жилищную комиссию обязанности по принятию Б. на жилищный учет судом отказано.

В кассационной жалобе представитель начальника Центра заказчика-застройщика, указывая на отсутствие предусмотренных ч. 1 ст. 51 ЖК РФ оснований для признания заявителя нуждающейся в жилом помещении ввиду обеспеченности жильем по установленным нормам, просил об отмене судебных постановлений и о принятии по делу нового решения.

Рассмотрев материалы административного дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ сочла, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Б. в марте 1991 г. вселилась в качестве члена семьи в трехкомнатную квартиру общей площадью 55,8 кв.м, расположенную в г. Химки Московской области. Квартира была предоставлена в октябре 1971 г. отцу мужа заявителем исполнительным комитетом Химкинского Совета депутатов трудящихся Московской области и в настоящее время в ней проживают помимо Б. ее сын и брат умершего мужа.

В сентябре 1993 г. заявитель призвана Химкинским военным комиссариатом на военную службу, которую с декабря 2008 г. проходит в Центре заказчика-застройщика, дислоцированном в г. Москве.

В июне 2014 г. Б. обратилась в жилищную комиссию Центра заказчика-застройщика с заявлением о признании ее нуждающейся в жилом помещении в г. Москве, однако решением жилищной комиссии от 21 июля 2014 г., утвержденным в тот же день начальником Центра, получила отказ ввиду обеспеченности жильем по установленным нормам.

Признавая отказ незаконным, суды исходили из того, что заявитель по месту военной службы в г. Москве жилым помещением не обеспечена, а вопрос наличия жилья в Московской области подлежит выяснению при предоставлении жилого помещения для постоянного проживания.

Такой вывод судов основан на неправильном толковании закона.

Согласно абз. 13 п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие признаются федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, нуждающимися в жилых помещениях по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 51 ЖК РФ нуждающимися в жилых помещениях признаются в том числе граждане, являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения и обеспеченные общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Постановлением главы муниципального образования «Химкинский район» Московской области от 29 июля 2005 г. № 118 учетная норма площади жилого помещения в г. Химки Московской области установлена в размере 10 кв.м общей площади на одного члена семьи.

Следовательно, заявитель проживает в качестве члена семьи в жилом помещении по договору социального найма по установленным нормам, что указывает на отсутствие оснований для признания ее нуждающейся в жилом помещении.

По данному делу юридически значимым также является установление формы собственности жилищного фонда, в котором проживает заявитель.

Согласно ч. 2 ст. 19 ЖК РФ в зависимости от формы собственности жилищный фонд подразделяется на частный, государственный и муниципальный жилищные фонды. При этом непосредственно государственный жилищный фонд — совокупность жилых помещений, принадлежа-

щих на праве собственности Российской Федерации (жилищный фонд Российской Федерации), и жилых помещений, принадлежащих на праве собственности субъектам Российской Федерации (жилищный фонд субъектов Российской Федерации).

В соответствии со ст. 6 ЖК РСФСР (действовавшего до 1 марта 2005 г.) к государственному жилищному фонду относились жилые помещения, находившиеся в ведении местных Советов народных депутатов (жилищный фонд местных Советов) и в ведении министерств, государственных комитетов и ведомств (ведомственный жилищный фонд).

По этой причине в случае получения жилого помещения из государственного жилищного фонда, а до 1 марта 2005 г. — из фонда местных Советов народных депутатов и ведомственного жилищного фонда гражданин считается обеспеченным жильем за счет государства.

Как следует из материалов дела, Б. в качестве члена семьи проживает с марта 1991 г. в жилом помещении, полученном от исполнительного комитета Химкинского Совета депутатов трудящихся Московской области, что указывает на ее обеспеченность жильем за счет государства.

При таких данных заявитель поставила вопрос о предоставлении ей жилого помещения в порядке, установленном Федеральным законом «О статусе военнослужащих», т.е. за счет государства, при обеспеченности жильем из государственного жилищного фонда и без его сдачи, что противоречит положениям п. 5 ст. 15 Закона, согласно которому в случае освобождения жилых помещений, занимаемых военнослужащими и совместно проживающими с ними членами их семей, за исключением жилых помещений, находящихся в их собственности, указанные помещения предоставляются другим военнослужащим и членам их семей.

Кроме того, Б. при назначении в декабре 2008 г. в Центр заказчика-застройщика в другую местность не переводилась, а осталась проживать в близлежащем от г. Москвы населенном пункте, из которого она ежедневно может прибывать на военную службу без ущерба для исполнения своих служебных обязанностей, боевой готовности и повседневной деятельности Центра заказчика-застройщика.

Таким образом, основания для признания Б. нуждающейся в жилом помещении по договору социального найма по месту военной службы в г. Москве также отсутствуют.

В связи с этим начальник и жилищная комиссия Центра заказчика-застройщика правомерно отказали Б. в признании ее нуждающейся в жилом помещении.

Допущенные судами первой и апелляционной инстанций нарушения норм материального права повлияли на исход дела, и без их устранения невозможны восстановление и защита охраняемых законом публичных интересов, что в силу ст. 328 Кодекса административного судопроизводства РФ явилось основанием для отмены Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда РФ в кассационном порядке состоявшихся по делу судебных актов в части удовлетворенных требований и принятия по делу нового решения — об отказе Б. в удовлетворении заявления.

Определение № 201-КГ15-21

3. Жилищная субсидия с поправочным коэффициентом 2,375 устанавливается исключительно гражданам, уволенным с военной службы и не обеспеченным

на момент увольнения жилищной субсидией или жилым помещением.

Решением Полярнинского гарнизонного военного суда от 5 декабря 2014 г. удовлетворено заявление А., в котором он просил признать незаконным предварительное решение начальника отдела жилищного органа об установлении заявителю поправочного коэффициента для расчета жилищной субсидии в размере 2,25 и возложить на него обязанность по установлению названного коэффициента в размере 2,375.

Апелляционным определением Северного флотского военного суда от 4 февраля 2015 г. решение отменено и по делу принято новое решение — об отказе в удовлетворении заявления.

В кассационной жалобе А., утверждая об отнесении его в силу закона к категории граждан, которым поправочный коэффициент при расчете жилищной субсидии подлежит установлению в размере 2,375, что не было учтено флотским военным судом, просил апелляционное определение отменить, оставить в силе решение суда первой инстанции.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ не нашла оснований для удовлетворения жалобы по следующим основаниям.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Таких нарушений судом апелляционной инстанции не допущено.

Из материалов дела следует, что А., на весь период военной службы обеспечиваемый служебным жилым помещением и имеющий общую продолжительность военной службы более 16 лет, в связи с увольнением с военной службы по состоянию здоровья обратился к начальнику отдела жилищного органа с заявлением об обеспечении его жилищной субсидией. Одновременно в рапорте и в ходе беседы заявитель просил не увольнять его с военной службы до обеспечения названной субсидией.

Предварительным решением от 27 ноября 2014 г. размер жилищной субсидии был рассчитан А. с применением поправочного коэффициента 2,25.

Полагая, что при расчете субсидии ему должен быть установлен поправочный коэффициент 2,375, А. оспорил названное решение в судебном порядке.

Удовлетворяя заявление, гарнизонный военный суд в решении указал, что по смыслу закона при увольнении военнослужащих по состоянию здоровья, имеющих календарную выслугу 10 лет и более, не обеспеченных жильем по месту военной службы и возражавших в связи с этим против увольнения, выплата жилищной субсидии осуществляется до издания приказа об их увольнении с военной службы с поправочным коэффициентом 2,375.

Отменяя решение и принимая новое — об отказе в удовлетворении заявления, флотский военный суд свое решение обосновал тем, что жилищная субсидия с поправочным коэффициентом 2,375 устанавливается исключительно гражданам, уволенным с военной службы и не обес-

печенным на момент увольнения жилищной субсидией или жилым помещением.

Такой вывод суда апелляционной инстанции основан на правильном толковании закона.

Право на жилищную субсидию установлено Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих”, согласно пп. 1, 16 ст. 15 которого государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений, в том числе жилищной субсидии, либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, которые установлены названным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

Применительно к жилищной субсидии утверждение порядка ее расчета в силу п. 16 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” возложено на Правительство РФ.

Во исполнение предписаний Закона Правительство РФ постановлением от 3 февраля 2014 г. № 76 утвердило Правила расчета субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (жилых помещений), предоставляемой военнослужащим — гражданам Российской Федерации и иным лицам в соответствии с Федеральным законом “О статусе военнослужащих” (далее — Правила).

Согласно п. 2 Правил расчет субсидии осуществляется федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, с применением поправочного коэффициента с учетом общей продолжительности военной службы (далее — поправочный коэффициент), устанавливаемого в соответствии с пп. 7—9 Правил.

Пункт 7 Правил, как следует из его содержания, устанавливает размеры поправочных коэффициентов военнослужащим, проходящим военную службу, в том числе при ее общей продолжительности от 16 до 20 лет, т.е. для категории военнослужащих, к которой относится заявитель.

При этом увеличение поправочного коэффициента до 2,375 в силу п. 9 Правил производится лицам, общая продолжительность военной службы которых составляет от 10 лет до 20 лет и которые указаны в п. 13 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих”.

К таким лицам в соответствии с названной нормой Закона относятся граждане, уволенные с военной службы, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более, не обеспеченные на момент увольнения с военной службы жилищной субсидией или жилыми помещениями, состоящие на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы.

Содержание названной нормы Закона указывает на то, что нахождение перечисленных в ней лиц на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы ясно и недвусмысленно определяет их правовой статус как лиц, уволенных с военной службы.

Согласно п. 11 ст. 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанно-

сти и военной службе” окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части.

Таким образом, А. в период прохождения военной службы не вправе претендовать на получение жилищной субсидии с поправочным коэффициентом до 2,375.

Иное толкование п. 13 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих”, как обоснованно указал флотский военный суд, делает неприменимыми положения п. 7 Правил.

В связи с изложенным суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу о том, что право А. на жилищную субсидию с установленным в предварительном решении начальника отдела жилищного органа от 27 ноября 2014 г. поправочным коэффициентом 2,25 нарушено не было, в связи с чем правомерно отказал в удовлетворении его заявления, отменив решение гарнизонного военного суда.

Определение № 210-КГ15-4

4. Надбавка за исполнение обязанностей по воинской должности, которая связана с руководством подразделением, установлена для тех воинских должностных лиц, исполнение обязанностей которых связано с руководством подразделениями на постоянной основе.

Апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 26 ноября 2014 г. отменено решение Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 11 июня 2014 г. об отказе в удовлетворении заявления командира вертолета Ш., в котором он просил обязать командира воинской части представить в финансовый орган сведения для установления и выплаты ему с 1 января 2012 г. ежемесячной надбавки за особые условия службы — за исполнение обязанностей по воинской должности, которая связана с руководством подразделением (далее — надбавка за командование). По делу принято новое решение — об удовлетворении заявления.

В кассационной жалобе представитель командира воинской части, указывая на то, что в силу закона надбавка за командование устанавливается дифференцированно в зависимости от нахождения у соответствующих категорий командиров в подчинении определенного количества военнослужащих на постоянной основе, просил об отмене апелляционного определения и оставлении в силе решения гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ сочла, что судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение гарнизонного военного суда и принимая новое решение — об удовлетворении заявления, указал, что правовые основания для установления Ш. надбавки за командование определены законодательными и нормативными правовыми актами Правительства РФ и Минобороны России, а в его подчинении находятся трое военнослужащих, входящих в состав экипажа вертолета.

Этот вывод основан на неправильном применении норм материального права.

Согласно п. 32 ст. 2 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ “О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат” правила выплаты ежемесячной надбавки за особые условия военной службы определяются Правительством РФ в зависимости

от условий прохождения военной службы соответствующими категориями военнослужащих.

Во исполнение предписаний закона Правительство РФ постановлением от 21 декабря 2011 г. № 1073 утвердило Правила выплаты ежемесячной надбавки за особые условия военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, согласно подп. “г” п. 3 которых надбавка за командование выплачивается военнослужащим, проходящим военную службу на воинских должностях руководителей, командиров (начальников) воинских частей, учреждений и подразделений Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и их структурных подразделений, а также на воинских должностях, исполнение обязанностей по которым связано с руководством подразделениями.

Аналогичные положения закреплены в подп. “д” п. 53 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны РФ от 30 декабря 2011 г. № 2700 (далее — Порядок).

Содержание названных правовых норм указывает на то, что надбавка за командование установлена для тех воинских должностных лиц, исполнение обязанностей которых связано с руководством подразделениями на постоянной основе.

Между тем из материалов дела следует, что заявитель, проходящий военную службу с 1 декабря 2010 г. в воинской должности командира вертолета, личного состава в подчинении не имеет.

Это обстоятельство сомнений в своей достоверности не вызывает, поскольку подтверждено исследованными в судебном заседании выпиской из штатно-должностной книги и справкой воинской части.

Нахождение в подчинении заявителя состава экипажа вертолета в период выполнения полетов не может служить основанием для выплаты надбавки за командование, поскольку такое руководство обусловлено выполнением полетного задания по плану боевой подготовки и организацией постоянного дежурства расчетов службы оперативных дежурных на командном пункте.

Кроме того, в соответствии с полномочиями, установленными подп. 44 п. 10 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, Министр обороны РФ утверждает перечни должностей военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил РФ, осуществляющих отдельные виды деятельности, участие в которых дает право на получение социальной поддержки в соответствии с законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Применительно к надбавке за командование такой перечень установлен Министром обороны РФ в приказе от 2 июня 2014 г. № 391, которым были внесены изменения в Порядок, а ранее — Указаниями, утвержденными 27 декабря 2013 г. № 205/2/721дсп. В Указаниях и Порядке должность командира вертолета отсутствует.

При таких данных, вопреки выводу суда апелляционной инстанции, оснований для выплаты Ш. ежемесячной надбавки за особые условия военной службы — за исполнение обязанностей по воинской должности, которая связана с руководством подразделением, не имеется.

В связи с изложенным вывод гарнизонного военного суда о правомерности отказа заявителю в выплате надбавки за командование соответствует обстоятельствам дела и основан на правильном применении норм материального права.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ отменила в кассационном порядке апелляционное определение Северо-Кавказского окружного военного суда от 26 ноября 2014 г. и оставила в силе решение Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 11 июня 2014 г.

Определение № 205-КГ15-13

По уголовным делам

5. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с воздействием на присяжных заседателей с целью вызвать предубеждение и повлиять на их беспристрастность, повлекли отмену оправдательного приговора.

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 14 апреля 2015 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Х. оправдан по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, ч. 2 ст. 209, ч. 1 ст. 30 и ст. 295, ч. 3 ст. 222 УК РФ, в связи с вынесением коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта за его непричастностью к совершению данных преступлений, а также оправдан в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ст. 317 УК РФ, в связи с вынесением коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта за неустановлением события преступления.

Рассмотрев материалы дела по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ приговор отменила в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, а уголовное дело передала на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе судей со стадии судебного разбирательства, приведя в обоснование следующие доводы.

Согласно ч. 1 ст. 389²⁵ УПК РФ оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя лишь при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов или на содержание данных присяжными заседателями ответов.

Особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей определены ст. 335 УПК РФ, в соответствии с требованиями которой в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ.

Сторонам в ходе судебного следствия с участием присяжных заседателей запрещается исследовать данные, способные вызвать предубеждение присяжных заседателей, обсуждать вопросы, связанные с применением права, либо вопросы процессуального характера, в том числе о недопустимости доказательств, нарушении Уголовно-процессуального кодекса РФ при получении доказательств, их истребовании, вызове дополнительных свидетелей, о якобы оказанном давлении во время предварительного следствия и т.п., задавать наводящие вопросы, в какой-либо фор-

ме оценивать доказательства во время судебного следствия, выяснять вопросы о возможной причастности к преступлению иных лиц, не являющихся подсудимыми по рассматриваемому делу, ссылаться в обоснование своей позиции на не исследованные в присутствии присяжных заседателей или недопустимые доказательства и др.

С учетом данных требований закона, а также положений ст.ст. 73, 243 и 252 УПК РФ председательствующий должен обеспечить проведение судебного разбирательства только в пределах предъявленного подсудимому обвинения, принимать необходимые меры, исключающие возможность ознакомления присяжных заседателей с недопустимыми доказательствами, а также возможность исследования вопросов, не входящих в их компетенцию, и своевременно реагировать на нарушения порядка в судебном заседании участниками процесса, принимать к ним меры воздействия, предусмотренные ст. 258 УПК РФ.

Прения сторон в суде с участием присяжных заседателей проводятся в соответствии со ст.ст. 292 и 336 УПК РФ с учетом особенностей рассмотрения дела по данной форме судопроизводства и лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. Стороны не вправе касаться обстоятельств, которые рассматриваются после вынесения вердикта без участия присяжных заседателей.

Обеспечение соблюдения процедуры прений сторон возложено на председательствующего судью.

Ввиду этого в случае, если сторона в обоснование своей позиции ссылается на обстоятельства, которые подлежат разрешению после провозглашения вердикта, либо на доказательства, признанные недопустимыми или не исследованные в судебном заседании, судья в соответствии с ч. 5 ст. 292 УПК РФ должен остановить такого участника процесса и разъяснить присяжным заседателям, что они не должны принимать во внимание данные обстоятельства при вынесении вердикта.

Такое же разъяснение председательствующий судья должен сделать и при произнесении напутственного слова, излагая позиции сторон.

Между тем эти требования закона при рассмотрении данного уголовного дела не были соблюдены.

Из протокола судебного заседания усматривается, что в ходе судебного разбирательства, прений сторон, при произнесении реплик, последнего слова подсудимого и напутственного слова председательствующего подсудимым Х. и его защитником систематически допускались нарушения требований ст.ст. 252, 335, 336 УПК РФ, на что председательствующий не всегда реагировал, а в некоторых случаях позволял стороне защиты выходить за рамки закона.

Так, в ходе судебного разбирательства Х. в присутствии присяжных заседателей неоднократно заявлял о том, что доказательства в отношении его сфабриковали сотрудники правоохранительных органов и предварительного следствия.

При допросе в судебном заседании ранее осужденных и отбывающих наказание участников преступного сообщества “Вилайят Галгайче” З., Ю., У., а также оглашении показаний Ю. и исследовании стенограмм телефонных разговоров Х. с различными лицами подсудимый, вопреки требованиям закона, в присутствии присяжных заседателей доводил до их сведения, в том числе путем выкриков с места недопустимых фраз, свое мнение относительно правдивости показаний данных лиц и представленных присяжным доказательства, заявлял о том, что показания свидете-

ли дали под пытками, требовал не осквернять имя его убитого брата, в некорректной форме пытался выяснить у председательствующего судьи процедуру допроса свидетеля Д., высказывался о том, что оглашенные государственным обвинителем стенограммы его телефонных разговоров с различными абонентами являются “враньем следствия”, а следствие не все разговоры им представило, в связи с чем председательствующим в порядке ст. 258 УПК РФ ему объявлялись замечания и он предупреждался о недопустимости нарушений закона.

Несмотря на неоднократность имевших место нарушений закона, подсудимый во время своего допроса и исследования признанных полученных с соблюдением требований Уголовно-процессуального кодекса РФ доказательств в присутствии присяжных заседателей вновь допустил высказывания, порочащие доказательства по делу: что он хотел “остановить беспредел”; допрошенные по делу и ранее осужденные соучастники инкриминируемых ему преступлений его оговорили под воздействием сотрудников правоохранительных органов; во время задержания ему надели пакет на голову и сделали какой-то укол, от чего он потерял сознание и очнулся через полтора часа уже в г. Владикавказе, а потому обнаруженные у него пистолет с глушителем и мобильный телефон ему “подсунули” сотрудники правоохранительных органов, когда он был без сознания; они же вырвали у него клок волос и положили их в карту г. Владикавказ, чтобы сфабриковать доказательства; записную книжку и другие изъятые в его доме предметы и документы, в том числе самодельное взрывное устройство в виде “пояса смертника”, ему подкинули сотрудники правоохранительных органов. Также подсудимый допускал выкрики с места и доводил до сведения присяжных заседателей информацию, не входящую в их компетенцию.

Однако на допущенные со стороны подсудимого нарушения закона председательствующий не всегда реагировал, что, как справедливо указано в апелляционном представлении, оказало незаконное воздействие на присяжных заседателей и в дальнейшем на формирование их мнения по предложенным вопросам.

Во время допроса в присутствии присяжных заседателей свидетеля Ц. подсудимый комментировал показания свидетеля, высказывая сомнения в их правдивости, а также допускал выкрики с места: “Война и взрывы будут всегда, так как государство поддерживает несправедливость...”, пререкался с председательствующим, на что председательствующий в очередной раз ограничился только замечанием подсудимому и разъяснением о недопустимости такого поведения.

В свою очередь, адвокат подсудимого во время исследования признанных судом допустимых доказательств в присутствии присяжных заседателей высказывал сомнения относительно представляемых доказательств, пытаясь их опровергнуть, когда заявил о том, что в протоколе обыска от 8 февраля 2013 г. по месту жительства Х. отсутствует слово “опечатано”, которое является “выдумкой прокурора”, в связи с чем председательствующий вынужден был разъяснять присяжным заседателям, что они не должны принимать во внимание эти заявления защитника, а также предупредил защитника о недопустимости такого поведения в суде с участием присяжных заседателей.

Во время допроса свидетелей М. и И., которые не являлись подсудимыми по настоящему уголовному делу, адвокат поставил перед первым вопросы о его причастности к поджогу кафе “Ту-

шоле” и являлся ли он членом организованной вооруженной группы “Магас”, а перед вторым — вопросы относительно его роли в вовлечении Х. в преступное сообщество “Вилайт Галгаиче” и давал ли свидетель указания подсудимому на поджог кафе “Тушоле”.

В нарушение требований ст.ст. 252, 334, чч. 7 и 8 ст. 335 УПК РФ защитник во время допроса свидетеля И. и подсудимого Я. в присутствии присяжных заседателей выяснял у свидетеля вопрос о наличии личного бизнеса у подсудимого и что тот строил, а у подсудимого — давал ли тот деньги В. на обучение в Египте, хотя эти обстоятельства не входили в предмет доказывания по делу, на что председательствующий реагировал несвоевременно и не всегда снимал с обсуждения заданные вопросы, а поначалу лишь ограничился разъяснениями: присяжным заседателям — чтобы те не принимали во внимание ответы свидетеля, адвокату — о недопустимости выяснения данных обстоятельств.

Кроме того, защитник в присутствии присяжных заседателей допускал выкрики с места, комментируя действия председательствующего, в связи с чем председательствующий за допущенные со стороны защитника нарушения порядка судебного заседания и нетактичное поведение объявлялись предупреждения.

Имели место нарушения закона со стороны подсудимого и его защитника и в ходе выступления в прениях.

Так, вопреки требованиям законодательства, предъявляемым к содержанию и порядку выступления в прениях в суде с участием присяжных заседателей, адвокат в ходе своего выступления в присутствии присяжных заседателей приводил нормы права, процессуальные документы и доказательства, оценка которых не входила в полномочия присяжных заседателей и которые не исследовались с их участием, ставил под сомнение допустимость доказательств, представленных присяжным заседателям, обсуждал вопросы процедуры предварительного следствия, анализировал положения ст. 167 УК РФ, которая не вменялась его подзащитному, утверждая, что следствие не считает преступным и уголовно наказуемым поджог кафе “Тушоле”, поэтому прекратило уголовное дело; заявлял о том, что это “...следствие взяло и вооружило таким оружием” Х.; присяжным заседателям демонстрировали не тот телефон, который был обнаружен 8 февраля 2013 г. у Х. под матрасом в его доме; по делу не провели почерковедческую экспертизу относительно авторства рукописных записей, обнаруженных в домовладении Х.; записка, обнаруженная в домовладении у Ю., написана не им и не Х.; анализировал обстоятельства уголовного дела в отношении Ю., не являющегося подсудимым по данному делу; ставил под сомнение происхождение обнаруженных в доме Х. карты г. Владикавказ с маршрутами движения сотрудников конвойного подразделения, листов формата А4 с печатными и рукописными записями, блокнотов с записями, фотографий и других предметов, признанных вещественными доказательствами по делу, утверждая, что государственное обвинение наряду с названными вещественными доказательствами не предъявило присяжным заседателям сведения о биллинговых соединениях, в связи с чем председательствующий неоднократно останавливал защитника и разъяснял ему вопрос о недопустимости нарушений закона, а также доводил до сведения присяжных заседателей, что они не должны учитывать приведенные обстоятельства при вынесении вердикта.

Пороча исследованные доказательства по делу и нарушая требования законодательства, защитник в ходе выступления в прениях затрагивал вопросы процессуального характера, когда анализировал представленный присяжным заседателям телефон и полученные в ходе его исследования доказательства, упоминал о наличии запроса следователя в ОАО «Мегафон» от 18 февраля 2013 г. и ответа на него, которые присяжным заседателям не предъявлялись, фактически сформулировав вывод о том, что предметом исследования на предварительном следствии являлся телефон, не принадлежащий Х. и изъятый у него в ходе обыска, а принадлежащий другому лицу, в котором и были обнаружены видеофайлы наблюдения за маршрутом передвижения сотрудников конвойного подразделения, осуществлявших конвоирование И. и других обвиняемых, а также съемки верховных судов Республики Ингушетия и Республики Северная Осетия — Алания.

В нарушение требований ч. 8 ст. 335 и ст. 336 УПК РФ защитник в своем выступлении приводил также данные о личности подсудимого, которые не входили в предмет доказывания по делу и не являлись необходимыми для установления отдельных признаков инкриминируемых ему преступлений.

Однако на эти нарушения председательствующий не отреагировал, тем самым позволив стороне защиты довести до сведения присяжных заседателей недопустимую информацию и заронить в них сомнения относительно законности получения доказательств по делу.

Кроме того, защитник, обращаясь к присяжным заседателям, заявил: «Вы, присяжные заседатели, пистолет, изъятый 8 февраля 2013 г. у Х., не видели, так как он не был представлен государственным обвинителем как вещественное доказательство», — а когда председательствующий остановил защитника и предупредил его о недопустимости упоминания доказательств, которые с участием присяжных заседателей не исследовались, адвокат повышенным тоном высказался о необходимости возобновления судебного следствия и исследования пистолета.

Но и после очередного предупреждения председательствующего о недопустимости обсуждения процессуальных вопросов в прениях адвокат стал приводить размерные характеристики изъятых у Х. пистолета, после чего сформулировал вывод о том, что с таким пистолетом, помещенным за пояс брюк, невозможно управлять автомобилем, хотя какого-либо следственного действия, подтверждающего или опровергающего эти доводы защитника, в том числе следственного эксперимента, по делу не проводилось и доказательства этому присяжным заседателям не демонстрировались.

Игнорируя требования законодательства и неоднократные разъяснения председательствующего о недопустимости нарушений закона в присутствии присяжных заседателей, защитник в ходе своего выступления, пороча исследованные с их участием доказательства и тем самым оказывая незаконное воздействие на присяжных заседателей, неоднократно предлагал им самим сделать выводы о том, как у Х. при себе, в его автомобиле и дома соответственно оказались пистолет, взрывчатое вещество, карта, рукописные записи, «пояс смертника» и принадлежат ли они ему, если он в момент задержания находился в бессознательном состоянии, и что все обвинение Х. основано только на домыслах государственного обвинителя, а в реплике заявил, что «...обвинение как хотело вывернуть показания Л., так их

и построило...», высказав в очередной раз сомнение в законности изъятия у Х. пистолета.

В свою очередь, Х. в ходе выступления в прениях, в нарушение требований ст.ст. 292 и 336 УПК РФ, анализировал общественно-политическую ситуацию на Северном Кавказе, а также допускал непозволительные высказывания, в том числе повышенным тоном: «...следствию и обвинению проще что-нибудь подкинуть и очернить человека»; что у него «...главное в этой жизни — быть верующим человеком»; пистолет ему «подсунули»; «...в Республике Ингушетия идет дешевый беспредел»; данное дело имеет политическую подоплеку, поскольку его преследуют из-за старшего брата С., который являлся оппозиционером и который ни в чем не виноват; что Р. его оговорил, так как его заставил начальник; что шариатский суд лучше разбирается в конфликтных ситуациях; Л., В. и А. почему-то не ответили за дачу выгодных следствию заведомо ложных показаний; за свои 45 лет он ни одного человека «...пальцем не тронул»; «...в Республике Ингушетия принято, когда большой отряд забегает в дом и всю семью выгоняют на улицу, когда производят обыск»; а в реплике заявил, что следствие просило его «взять на себя пистолет, а все, что у брата нашли дома, сказать, что это его вещи», обещая выпустить его после проведения Олимпиады, в связи с чем председательствующий вынужден был неоднократно его останавливать и предупреждать о недопустимости такого рода высказываний, а также доводить до сведения присяжных заседателей, что они не должны учитывать данные обстоятельства при вынесении вердикта.

Однако подсудимый Х. не внял этим разъяснениям председательствующего и в своем последнем слове в присутствии присяжных заседателей в очередной раз заявил, что уголовное дело в отношении его «придуманно обвинением», чтобы остановить брата и его оговорить, что его усыпили с помощью укола, привезли в изолятор временного содержания, где пытали, а при произнесении председательствующим напутственного слова допускал выкрики с места.

Несмотря на многочисленные и систематические нарушения требований законодательства и порядка в судебном заседании, допущенные подсудимым и его защитником в присутствии присяжных заседателей, председательствующий не принял к ним всех предусмотренных ст. 258 УПК РФ мер воздействия, исключаящих возможность ознакомления присяжных заседателей с недопустимыми доказательствами и обсуждения вопросов, не входящих в их компетенцию, ограничившись лишь прерыванием речи подсудимого и его защитника уже после того, как они довели до сведения присяжных заседателей недозволенную информацию.

Таким образом, приведенные обстоятельства свидетельствуют о том, что, хотя председательствующий в большинстве случаев неоднократно прерывал речь адвоката и его подзащитного Х. и призывал присяжных заседателей не принимать во внимание высказывания стороны защиты, однако из-за множества нарушений, допущенных Х. и его защитником в судебном заседании, которые Судебная коллегия признает существенными, на присяжных заседателей было оказано незаконное воздействие, которое, как справедливо утверждается в апелляционном представлении, повлияло на формирование мнения присяжных заседателей, их беспристрастность и отразилось на содержании ответов на поставленные перед ними вопросы при вынесении вердикта, который не может быть признан законным, объективным и справедливым.

Обоснованным является утверждение автора апелляционного представления о несоответствии напутственного слова председательствующего требованиям ст. 340 УПК РФ, поскольку в приобщенном к материалам дела письменном тексте данного напутственного слова отсутствует изложение позиции защиты по делу, разъяснение присяжным заседателям, какие из обстоятельств, доведенных до их сведения в нарушение требований уголовно-процессуального закона, они не должны учитывать при вынесении вердикта, а также не разъяснено право на отдых присяжных, предусмотренное ч. 3 ст. 341 УПК РФ, и порядок внесения поправок и исправлений в вопросный лист в случае их наличия.

По этим причинам в связи с допущенными существенными нарушениями уголовно-процессуального закона оправдательный приговор подлежит отмене, а дело — направлению на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе судей со стадии судебного разбирательства.

Определение № 205-АП/15-4СП

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

1. Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи признано несоразмерным совершенным судьей нарушениям.

Решением квалификационной коллегии судей Курганской области представление исполняющего обязанности председателя Курганского областного суда и постановление совета судей Курганской области удовлетворены: судья районного суда Курганской области Р. за совершение дисциплинарного проступка привлечена к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи с лишением седьмого квалификационного класса.

Отменяя решение квалификационной коллегии судей области, Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ в решении отметила следующее.

Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 “О статусе судей в Российской Федерации” и (или) Кодекса судейской этики, в том числе за нарушение указанных положений при осуществлении правосудия, если такое нарушение повлекло искажение принципов судопроизводства, грубое нарушение прав участников процесса, свидетельствует о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий и установлено вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 20 июля 2011 г. № 19-П указал, что взаимосвязанные положения пп. 1 и 2 ст. 3, п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 12¹ Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации”, ст.ст. 19, 21 и 22 Федерального закона “Об органах судейского сообщества в Российской Федерации” — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — не предполагают привлечение судьи к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи за сам факт принятия незаконного и необоснованного судебного акта, если оно обусловлено судебной ошибкой, явив-

шейся следствием в том числе неверной оценки доказательств по делу либо неправильного применения нормы права, и если допущенные судьей нарушения закона не носят систематического характера, не обусловлены намеренным отступлением от общепризнанных морально-этических норм и не дискредитируют судебную власть.

Досрочное прекращение полномочий судьи как наиболее суровая мера дисциплинарной ответственности, влекущая значительные негативные последствия для судьи, который лишается всех гарантий, связанных со статусом судьи, включая полагающееся ему при удалении в отставку ежемесячное пожизненное содержание, может иметь место в тех случаях, когда исчерпаны все иные средства воздействия на судью, направленные на предупреждение дальнейших нарушений с его стороны, либо когда допущенное судьей нарушение подрывает доверие к судебной власти и не дает оснований рассчитывать на добросовестное и профессиональное выполнение им обязанностей судьи в будущем. Соответственно, такая санкция, как предупреждение, призванная оказывать дисциплинирующее воздействие на судью с целью сохранения баланса между ответственностью судей и их несменяемостью и обеспечением стабильности судейского корпуса, позволяет использовать досрочное прекращение полномочий судьи лишь в качестве исключительной меры воздействия.

Квалификационной коллегией судей Курганской области дисциплинарным проступком, послужившим основанием для наложения на Р. дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи, признаны следующие нарушения:

вручение копии приговора осужденным Ш. и А. с нарушением установленного ст. 312 УПК РФ срока, а также передача уголовного дела в отношении этих лиц в отдел судебного делопроизводства с нарушением установленных сроков;

изготовление определения об оставлении искового заявления М. без движения с нарушением срока, установленного ст. 134 ГПК РФ;

необоснованный отказ в удовлетворении ходатайств В. и К. о снижении размера государственной пошлины при подаче исковых заявлений и необоснованное возвращение в связи с этим исковых заявлений;

предоставление недостаточного срока для устранения недостатков при подаче исковых заявлений В. и Е.;

изготовление противоречивых судебных решений по гражданскому делу по иску Б. к Г. об определении места жительства ребенка в части немедленного исполнения решения, в связи с чем Б. необоснованно привлекался к административной ответственности;

необоснованная отмена постановления мирового судьи о привлечении Л. к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ в связи с истечением срока давности.

Вывод квалификационной коллегии судей о том, что в данном случае имело место грубое, систематическое и сознательное несоблюдение судьей Р. процессуальных и материальных норм права, сделан без учета обстоятельств и характера совершенных нарушений, их последствий, степени нарушения прав и свобод граждан, является необоснованным.

Дисциплинарная коллегия в решении также отметила, что действительно судьей Р. в отношении Ш. и А. вынесен обвинительный приговор 15 июня 2015 г., копия которого вручена осужденным, находящимся под стражей, с нарушени-

ем положений ст. 312 УПК РФ 30 июня 2015 г. При этом квалификационной коллегией не учтено, что нарушение срока вручения копии приговора является незначительным (восемь суток), с учетом положений ч. 2 ст. 128 УПК РФ копия приговора должна быть вручена не позднее 22 июня 2015 г. Установив, что Р., в нарушение требований Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36, передала уголовное дело в отношении Ш. в отдел делопроизводства суда 10 июля 2015 г., квалификационная коллегия не отметила, что при этом были нарушены права осужденных или других лиц.

Указав, что определение об оставлении искового заявления М. без движения с предложением в срок до 1 июля 2015 г. устранить недостатки изготовлено судьей Р. 22 июня 2015 г., т.е. с нарушением установленного законом срока, квалификационная коллегия оставила без внимания то обстоятельство, что М. в указанный в определении срок — до 1 июля 2015 г. — недостатки были устранены и исковое заявление принято к производству суда.

Вынесение судьей Р. определений об отказе в удовлетворении ходатайств В. и К. о снижении размера государственной пошлины и определений о возврате исковых заявлений указанным лицам не противоречит нормам гражданского процессуального закона. Они вынесены в пределах судебного усмотрения, мотивы принятых решений в них изложены.

Тот факт, что названные определения отменены судом апелляционной инстанции в связи с иной оценкой обстоятельств, имеющих значение для дела, не может служить основанием для вывода о совершении судьей дисциплинарного проступка.

Что касается определений об оставлении исковых заявлений В. и Е. без движения и о предоставлении срока для устранения недостатков, то они также вынесены в пределах судебного усмотрения. Доводы Р. о том, что она при вынесении определений считала предоставленные сроки разумными с учетом места жительства заявителей, характера недостатков, подлежащих устранению, а сроки пересылки нарушены не по ее вине, не опровергнуты.

По гражданскому делу по иску Б. к Г. об определении места жительства ребенка по окончании рассмотрения дела была изготовлена резолютивная часть судебного решения, в которой указано на обращение решения к немедленному исполнению. В материалах гражданского дела имеется мотивированное судебное решение, где содержится аналогичная запись о немедленном исполнении решения. В то же время к материалам дисциплинарного производства приобщена копия судебного решения, в которой нет указания об этом. Как пояснила Р., это произошло в результате технической ошибки, которая была исправлена в тот же день.

Таким образом, при отправлении правосудия Р. действительно допускались случаи неправильного применения и нарушения норм материального и процессуального права, однако они были единичными, не носили системного характера.

Наличие приведенных судебных ошибок и других нарушений норм права, не относящихся к грубым, не свидетельствует о пренебрежительном отношении судьи Р. к своим должностным обязанностям и о невозможности осуществления ею полномочий судьи в дальнейшем.

Вывод квалификационной коллегии судей о том, что судьей Р. совершен дисциплинарный проступок, влекущий применение исключительной меры воздействия в виде досрочного прекращения полномочий судьи, обоснованным признать нельзя.

Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи в данном случае несоразмерно совершенным судьей Р. нарушениям.

С учетом приведенных обстоятельств Дисциплинарная коллегия пришла к выводу о том, что применение дисциплинарного взыскания в отношении Р. в виде досрочного прекращения полномочий судьи является необоснованным. В связи с этим решение квалификационной коллегии судей Курганской области отменено.

Решение № ДК15-62

2. Полномочия действующего судьи могут быть досрочно прекращены лишь за совершение дисциплинарного проступка, который носит исключительный характер.

Указом Президента Российской Федерации П. назначена на должность судьи Верховного Суда Республики Хакасия без ограничения срока полномочий, ей был присвоен четвертый квалификационный класс судьи.

С представлением о досрочном прекращении полномочий судьи в квалификационную коллегию судей обратился исполняющий обязанности председателя Верховного Суда Республики Хакасия Д.

Поводом для внесения представления являлась справка Верховного Суда Республики Хакасия о проведенной служебной проверке по жалобам Р., поступившим председателю Верховного Суда Республики Хакасия и в квалификационную коллегию судей Республики Хакасия.

В обоснование своей просьбы автор представления сослался на то, что при рассмотрении апелляционной жалобы Р. в составе судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Хакасия в нарушение положений п. 2 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ участвовала судья П. Она должна была заявить самоотвод по той причине, что одной из сторон в гражданском деле было ЗАО «С», учредителем которого был отец Ч., с которым судья П. на период рассмотрения апелляционной жалобы состояла в зарегистрированном браке.

Кроме того, в представлении указано, что Ч. (свекор) был руководителем первичной профсоюзной организации АОЗТ «С».

По мнению исполняющего обязанности председателя Верховного Суда Республики Хакасия Д., при указанных выше обстоятельствах гражданское дело в апелляционной инстанции было рассмотрено незаконным составом суда.

Квалификационная коллегия судей пришла к выводу, что изложенные выше доводы представления нашли свое подтверждение, они свидетельствуют о совершении судьей П. дисциплинарного проступка.

При этом квалификационная коллегия судей указала, что допущенные судьей П. нарушения закона являются грубыми, они подтверждены постановлением президиума Верховного Суда Республики Хакасия и свидетельствуют о ее небрежности при осуществлении правосудия, пренебрежительном отношении к своим служебным обязанностям.

При наложении на П. названного выше вида дисциплинарного взыскания квалификационная коллегия судей наряду с тяжестью дисциплинарного проступка учла данные, характеризующие

судью П., в том числе осуждение ее родного брата по приговору городского суда и работу ее мужа Ч. и его отца в коммерческих структурах.

В жалобе П. просила отменить решение квалификационной коллегии судей, полагая, что оно является незаконным и необоснованным.

По ее мнению, квалификационная коллегия судей Республики Хакасия неправомерно пришла к выводу, что при рассмотрении апелляционной жалобы она должна была заявить самоотвод.

В то же время она указала на отсутствие у нее осведомленности о том, что на период рассмотрения гражданского дела в апелляционной инстанции судом, в составе которого она принимала участие, Ч. (свекор) был соучредителем ЗАО “С”, которое было лицом, участвующим в гражданском деле, и руководителем юридического лица — первой профсоюзной организации АОЗТ “С”.

Эти обстоятельства стали ей известны после рассмотрения гражданского дела в апелляционной инстанции в ходе проведенной в отношении нее служебной проверки.

Когда она участвовала в составе суда апелляционной инстанции, ей достоверно было известно лишь о том, что Ч. (свекор) работал в ЗАО “С” до 2003 года. Впоследствии он продолжил работать в ООО “У”. Последнее обстоятельство и участие ее мужа Ч. в коммерческих структурах она указала в анкетах, заполненных ею в 2010 и 2011 годах, когда решался вопрос о назначении ее на должность судьи городского суда и судьи Верховного Суда Республики соответственно.

П. в жалобе сослалась также на то, что у нее нет никаких взаимоотношений с осужденным братом.

Отменяя решение квалификационной коллегии, Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ в своем решении указала, что нельзя согласиться с доводами, на которые в решении ссылается квалификационная коллегия судей Республики Хакасия в обоснование вывода о совершении судьей П. дисциплинарного проступка. В решении указано, что при рассмотрении гражданского дела в апелляционной инстанции она должна была заявить самоотвод в силу требований п. 2 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ, так как Ч. (свекор) был соучредителем ЗАО “С”, которое было лицом, участвующим в гражданском деле. При этом квалификационная коллегия судей Республики Хакасия не приняла во внимание доводы П. о том, что она не знала о наличии акций у Ч. (свекор) в ЗАО “С” и о его работе в профсоюзной организации в настоящее время.

По мнению квалификационной коллегии судей Республики Хакасия, судья П. должна была принять разумные меры в целях получения информации об имуществе и материальных интересах членов своей семьи в соответствии с положениями ч. 4 ст. 6 Кодекса судейской этики. Дисциплинарная коллегия считает несостоятельным данный вывод.

Согласно ст. 3 Кодекса судейской этики к членам семьи судьи относятся супруг, супруга, родители, дети, любой другой близкий родственник, проживающий совместно с судьей.

Таким образом, Ч. (свекор) не является родственником П., он не проживал совместно с ней и не являлся членом ее семьи.

Из копии трудовой книжки Ч. (свекра) следует, что он с 2003 года по настоящее время является работником ООО “У”. Эти же сведения П. указала в анкете претендента на должность судьи. Также необходимо учитывать и то обстоятельство, что ООО “У” не являлось стороной в гражданском деле.

Вместе с тем П. признала, что она достоверно знала о работе Ч. (свекра) в ЗАО “С” до 2003 года.

При более тщательной оценке данного обстоятельства с учетом осведомленности о работе Ч. (свекра) в ООО “У” при рассмотрении гражданского дела в суде апелляционной инстанции коллегиальным составом суда П. должна была предполагать, что имеется возможность возникновения конфликта интересов.

Учитывая все обстоятельства, Дисциплинарная коллегия полагает, что дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи П. необходимо признать несоразмерным характеру и тяжести содеянного.

П. не была докладчиком по делу и председательствующим коллегии, в которой она принимала участие при рассмотрении гражданского дела в апелляционной инстанции. Она не имела никакой заинтересованности в исходе дела.

При этом Дисциплинарная коллегия учла, что П. положительно характеризуется по работе.

Дисциплинарная коллегия посчитала необходимым оставить без внимания иные данные — судимость брата и работу мужа и свекра в коммерческих структурах, на что сослалась дополнительно в своем решении квалификационная коллегия судей Республики Хакасия, так как эти обстоятельства находятся за пределами представления, они не относятся к решению вопроса о наличии либо отсутствии дисциплинарного проступка и его тяжести с точки зрения исключительности.

Согласно п. 5 ст. 12¹ Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации” полномочия действующего судьи могут быть досрочно прекращены лишь за совершение дисциплинарного проступка, который носит исключительный характер.

Решение № ДК15-55

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопрос. Возможно ли взыскание с непосредственного причинителя вреда стоимости необходимых для восстановления автотранспортного средства деталей, узлов и агрегатов без учета износа при выборе потерпевшим способа возмещения вреда, причиненного транспортному средству, путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания, с которой у страховщика заключен договор о ремонте транспортного средства в рамках договора обязательного страхования?

Ответ. В соответствии с абз. 8 ст. 1 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” (далее — Закон об ОСАГО) договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств — договор страхования, по которому страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить потерпевшим причиненный вследствие этого события вред их жизни, здоровью или имуществу (осуществить страховую выплату) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

Согласно подп. “б” ст. 7 Закона об ОСАГО страховая сумма, в пределах которой страховщик при наступлении каждого страхового случая (независимо от их числа в течение срока действия договора обязательного страхования) обязуется возместить потерпевшим причиненный вред, составляет в части возмещения вреда, причиненного имуществу каждого потерпевшего, 400 тыс. рублей.

Как следует из п. 4 ст. 931 ГК РФ, абз. 8 ст. 1, абз. 1 п. 1 ст. 12 Закона об ОСАГО, расходы, понесенные потерпевшим в связи с необходимостью восстановления права, нарушенного вследствие причиненного дорожно-транспортным происшествием вреда, подлежат возмещению страховщиком в пределах сумм, установленных ст. 7 Закона об ОСАГО.

В силу п. 15 ст. 12 Закона об ОСАГО возмещение вреда, причиненного транспортному средству потерпевшего, может осуществляться по выбору потерпевшего путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания, с которой у страховщика заключен договор о ремонте транспортного средства в рамках договора обязательного страхования, либо путем получения суммы страховой выплаты в кассе страховщика или перечисления суммы страховой выплаты на банковский счет потерпевшего (выгодоприобретателя).

При этом независимо от того, какой способ возмещения вреда избран потерпевшим, стоимость восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства определяется с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов транспортного средства (абз. 2 п. 19 ст. 12 Закона об ОСАГО).

Размер подлежащего выплате потерпевшему страховщиком или причинителем вреда ущерба начиная с 17 октября 2014 г. определяется только в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежден-

ного транспортного средства (приложение к Положению Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П; далее — Единая методика).

Таким образом, потерпевший вправе требовать со страховой компании, являющейся страховщиком по обязательному страхованию гражданской ответственности причинителя вреда, выплаты страхового возмещения в пределах сумм, предусмотренных ст. 7 Закона об ОСАГО (400 тыс. рублей).

В случае, если стоимость ремонта превышает указанную выше сумму ущерба (400 тыс. рублей), с причинителя вреда подлежит взысканию дополнительная сумма, рассчитываемая в соответствии с Единой методикой с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов транспортного средства.

Данному разъяснению корреспондируют и разъяснения, содержащиеся в пп. 11 и 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” и в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 января 2015 г. № 2 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
23 декабря 2015 г.)*

(Окончание в следующем номере)

НАЗНАЧЕНИЯ

По представлению Президента Российской Федерации Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначил судьей Верховного Суда Российской Федерации:

КОРНЕЛЮК Екатерину Сергеевну (постановление от 29 июня 2016 г. № 285-СФ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е.**, **Горшков В.В.**, **Давыдов В.А.**, **Журавлева Е.М.**,
Момотов В.В., **Нечаев В.И.**, **Петрова Т.А.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**, **Свириденко О.М.**,
Хаменков В.Б., **Харламов А.С.**, **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”**

Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 22.07.2016.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 7,05. Тираж 9340 экз. Заказ 3117-2016.

Отпечатано в АО “Красная Звезда”.

123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 38.

Телефоны: 495-941-28-62, 495-941-34-72, 495-941-31-62.

E-mail: kr_zvezda@mail.ru
<http://www.redstarph.ru>
